

МИХАИЛ ГУНДАРИН / РИСКОВАННАЯ
ПРОГУЛКА / ВЛАДИМИР БУЕВ

книга стихотворений

18+

Владимир Був
Михаил Гундарин
Рискованная прогулка

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70447501
SelfPub; 2024*

Аннотация

Сам автор называет свои тексты пародиями, но это скорее рефлексия на чужие стихи. И она вполне оправдана. Топливо, которое приводит в движение механизм создания нового стихотворения, есть ни что иное, как поэтическая энергия. И Владимир Був, являясь своего рода творческим индикатором, своими откликами на отдельного автора безошибочно указывает – в этом источнике она есть.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
СТИХИ И ПАРОДИИ (ОТКЛИКИ) НА НИХ	6

Владимир Буев, Михаил Гундарин Рискованная прогулка

ПРЕДИСЛОВИЕ

Владимир Буев появился в литературных салонах Москвы несколько лет назад – посещал презентации, творческие вечера, круглые столы. Он работает в сфере предпринимательства и финансов, поэзией ранее не интересовался, но внезапно, слушая стихи современных поэтов, ощутил в себе потребность откликаться на их произведения собственными стихами.

Сам он называет свои тексты пародиями, но это скорее рефлексия на чужие стихи. И она вполне оправдана. Топливо, которое приводит в движение механизм создания нового стихотворения, есть ни что иное, как поэтическая энергия. И Владимир Буев, являясь своего рода творческим индикатором, своими откликами на отдельного автора безошибочно указывает – в этом источнике она есть.

Современное литературное сообщество сегодня испытывает большой кризис – авторы лишены читательского вни-

мания, рецензий на свои книги, критических и литературоведческих замечаний. И потому такие активные читатели, как Владимир Буев, сегодня на вес золота. За несколько лет пристального внимания к современной поэзии Владимир Буев опубликовал свои подборки в «Литературной газете», «Литературной России», газете «Истоки», журналах «Вторник», «ЛитеRRa Nova», «Камертон», на электронных порталах «Articulationproject.net» и «Textura.club», в альманахах «Vita» и «Ликбез». А откликов на любимых поэтов хватило на полноценный сборник. Эта книга – своего рода эксперимент, новая форма рефлексии нелитературного человека на литературное произведение.

СТИХИ И ПАРОДИИ (ОТКЛИКИ) НА НИХ

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Я хотел бы эту ночь разглядить,
разглядеть её, зарифмовать.
Звёзды нарисованы в тетради —
я под вечер сжёг свою тетрадь.
И теперь почти неразличимым
в метрополитене тростника
простаком, подростком, анонимом
ночь переживу наверняка,
чтобы с наступлением рассвета
выскользнуть по тонкому лучу
за пределы старого запрета...
А про новый думать не хочу.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Неужели я ослеп в эту ночь?
Всё гляжу вокруг – не видно ни зги
Кто сумеет мне сегодня помочь?
Окулист? Но и ему не с руки!
Тут потребен раскалённый утюг,

виртуальный рифмовальный прибор,
чтобы выжечь в той тетради продукт:
звёзд небесных самый полный набор.
Я не видим из далёкой звезды
И с луны-то различим не вполне.
Где бы ночью отыскать мне бразды,
Чтобы дёрнуть их – и утро в окне!
Я схвачусь за луч и ввысь полечу!
Я смогу и солнце с неба достать.
Птицу счастья я за хвост ухвачу.
Моя старая сгорела тетрадь!

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Прочим – композитор, дуде – игрец,
обрати вниманье на город! Он
чужой судьбой распалён вконец,
а своею собственной занесён,
декабрьским снегом.
Следов объём
заполняет воздух, бездомный, как
беломоро-балтийский. Грустишь о нём,
и не делаешь новый шаг.
С высоты заминку не разгадать.
а всего-то дела: прищурить глаз,
разглядеть, как будто слепую печать,

уходящий город, идущих нас.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Швецов и жнецов с пьедесталов – долой!

Иные нам грады потребны!

Судьбы мирские мы мажем смолой,

Свои и чужие. Плюй на молебны
декабрьской слюной.

Подошва размером

больших сапогов: кирза – словно
хрусталь башмачковый. И как литосфера,
со всех сторон обласканная любовно.

Не стоит рваться в высокие дали,

как делали это Икар и Дедал,

а лучше всего мы все бы взяли

да сляпали сами себе пьедестал.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Закрыли от нас комету

полночные облака.

А дальше – пора рассвету,

и снова ты далека.

Лежи, где тебе сказали —

на дне далёкой грозы,

увиденная глазами

полуночной стрекозы.

Покуда не время миру
окутываться огнём,
небесному командиру
ломиться в земной проём...

ВЛАДИМИР БУЕВ

Враги не оставят шанса
на небо ночное взглянуть.
Из медитативного транса
Сподвигнут опять драпануть.
Приляг, стрекоза, есть пределы!
Сказали – так, значит, лежи.
Коль летом ты песен не пела,
так лютой зимой не пляши!
Так нет же – метнуться в небо
и с боем на землю упасть
Тебе, стрекоза, потребно!
Ты хочешь кометой стать?

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Полдень декабрьский скользит и падает,
и застывает на миг в полёте —
кажется, в позе крылатой статуи.
Но в темноте её не найдёте.
Свет неисправный разъят по болтику —
пусть его чинит кому есть дело.

Но не механику, и не оптику —
корпус пустой, ледяное тело.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Скользко на улице с клавиатурой,
тянет поплакать в декабрьский месяц.
Скоро февраль, и опять без цензуры
и без чернил нам летать в Поднебесье.
Бюст раскололся, упав. Приговором
Стал ему в сторону шаг с подставки.
Зря он соскакивал с твёрдой опоры
в жажде полёта. Теперь под лавкой.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Одиночество пеленает виски,
Развязывает шнурки,
Говорит, что нужно доплыть до конца реки.
Говорит, что свобода – лежать во рву,
Отсюда видно Сибирь, Москву,
Но не вздумай, покуда не позову.
Отвечает, что да, будет звезда,
Но она – обман, и ещё беда:
Дрянь её провода.
Значит, теперь навсегда.
Отвечаю: мы ещё раскинемся, как луга,

Дождёмся, пока растают снега,
Ведь должны же быть у той реки берега!
Лишь бы моё, твоё не забыло себя,
Встречу всех торопя,
Как в детстве, скатерть из-под стола теребя...

ВЛАДИМИР БУЕВ

Я дуло присуну себе к виску
Забыв завязать шнурки,
Но спуска я нынче не дам курку —
Не время валяться во рву.
Уж лучше в Сибирь в кандалах из Москвы
Шагать босым наяву,
Чем сгинуть, упав в сухую ботву,
И звёздной не зрить синевы.
Не может погибнуть моя душа —
она широка, как страна.
Я дуло опять не спеша к виску
Приставлю чрез «не могу».
Никак не обман, не лукавство то:
Не пуст магазин, ведь в нём
Живёт не один холостой патрон.
А глаз мой косит на шнурки,
Не гордый пацан: склонюсь – завяжу,
ведь руки мои ловки.
Я их прямо щас на себя наложу.

И миру о том возвещу.
Я жму на курок, сделав выбор свой,
Ведь магазин... пустой.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Дежурство

как мясной недовешенный вес
распростёрт на базарном прилавке,
кто лежит опрокинутый весь
и ни палки ему, ни подставки?
«вы-то, старшие, знаете как
раздвигать черепную коробку
разрушая тифозный барак
амнистируя божью коровку.
не мечтая всерьёз умереть
я приму и такую свободу.
урезайте на четверть и треть
не забудьте подчистить с исподу»
нам-то что? напряглись как канат
коридоры районной больницы
и сегодня не перелетят
через ночь даже белые птицы

ВЛАДИМИР БУЕВ

В дурке

Ни богу свечка и ни чёрту кочерга:
не бедный плотник и не кочегар,
но запросто разденет донага —
он профессиональный санитар.
Как руки заломить, как спеленать —
обучен добрый мблodeц пахать:
он в курсе, чью коровку обласкать,
а чью коробку черепа сломать.
Раздвинута коробка (божья) – то,
что стало расширением свобод.
в палате иль в бараках – всё равно.
Когда сдыхает ночь, грядёт восход.
В халате белом санитару спать,
глаз... не смыкая с ночи до утра.
Чтоб выжить, так придётся пострадать
и санитару, пациентов матеря...

МИХАИЛ ГУНДАРИН

наночастицы компьютерной сажи,
въевшиеся в лицо —
вот что о нас обо всех расскажет,
если в конце концов
в новом столетье решим присниться,

выпрыгнуть из ларца,
продемонстрировав кровь на лицах
демонам без лица

ВЛАДИМИР БУЕВ

В офисах жалкий планктон расплодился.
Слоем мертвецким покрыл
всё поколеньё, кто нынче родился —
всех он, подлец, задавил.
Все поныряли в свой комп персональный.
Через столетия вдруг
Выскочит если чудак маргинальный,
станет понятным недуг.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Сколько зелени! Роща к роще.
Вот забава для чудака,
что сегодня весь день полощет
в изумрудном рюмку зрачка.
Получилось напиться пьяным?
Веселись, дурака валяй
на краю цветущей поляны,
солнце летнее замедляй.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Сколько в рюмке зрачков скопилось —
уничтожить следы пора!

Эта зелень мне ночью снилась.

Наяву ж реальность остра!

Боже! Рюмок вокруг десятки!

Сколько в них опасных улик —

Очи женщин и девок сладких

...Все они зазевались на миг.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

когда движняк минут

расчистит все углы

пускай тебе споют

подземные битлы

не выучив Michelle

не поступить в МИ-6

а если есть мишень

то и пощада есть

(в черешневом саду

ритмическом аду

по каменному льду

я линию веду)

ВЛАДИМИР БУЕВ

Из мозга рвётся звук.

О память! Я смешон!

Воспоминаний стук —

Как дивный давний сон.

– Michelle? Ну, что за бред? —

вдруг спросит молодняк.

Не получив ответ,

Оценит: «Вот дурак!»

Я стар, но не шпион.

И вовсе не агент.

Уликой уличён,

Но адом я прощён.

В черешневом саду

я в лёд, в огонь – прыг-скок!

И камнем приложу

предателя в висок...

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Лету – летнее, осени – всё подряд.

Что споёт августовский простой песок

мы узнаем, когда повернём назад.

А покуда, от солнца наискосок,

здравствуй, книга такого большого дня,

где зелёный да жёлтый поверх всего!
Где отважный купальщик смешит меня,
а тебя вдохновляет задор его.
Вместо имени – пляжная дребедень.
Вот комар опускается, как орёл,
но находит не печень, а только тень,
от огня, что и так далеко увёл,
но не в сторону сердца, а взад-вперёд,
за гантелями для тренировки рук,
за рублём на покупку шипучих вод,
открывая которые слышишь звук.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Я вырву сердце из своей груди.
Не надо опасаться – то театр.
Актёры люди. Это подтвердить
Петроний и Шекспир ко мне спешат.
Назад я больше, правда, не пойду.
Мне надоели зелень с желтизной.
Я ринусь напрямую в белизну,
а все – за мной. К форели заливной.
Я освещу собой дорогу, поведу
Себя к первоянварскому столу.
Где пробки из шампанского во льду —
Орлами ввысь. Где можно съесть еду.
Туда, где комаров противных нет.

Где пляжам с полуголыми – пока!
Круги возвратны. Зимних тень побед
к первоапрельской шутке уж близка.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Только ты и свобода твоей беды.
Сколько вынута ключиков из глазниц!
Мы опять на пороге Большой Воды.
Море носит бутылки и мёртвых птиц.
Море ищет пожатья твоей руки,
пропуская сквозь пальцы мои слова.
Нарисуем линии, уголки —
вот и вышла повинная голова.
Вот и вышла свобода лететь навзрыд,
обращая всё встречное ни во что.
Время рухнуло в море, но мир стоит,
и на вешалке виснет ничьё пальто.
Это молодость, впрочем, а не звезда,
это тема, но будет ещё темней.
Где выходит на берег твоя беда,
там и будет кому позабыть о ней.

ВЛАДИМИР БУЕВ

И летит мимо всё, что ни есть на земле.

Пусть не Гоголь, но вижу кругом беду.
Не подумай, что дядька навеселе.
Просто в первый я раз перед морем стою.
То гагара застонет, то чванный гордец.
Буревестник – ботинком в него я швырну,
чтоб не гадил он сверху (каков наглец!),
ведь Воде я Большой сейчас руку пожму.
Что за ересь: свобода летит к тебе,
и морская рука у тебя в руках!
Рисование ноликов на песке —
то, что замков строительство в небесах.
Мы устанем друг друга любовью шпынять,
обвинив себя сами, зайдя далеко.
Всё забудь. Мне пора. Завтра рано вставать.
...Заберу я с собою чужое пальто.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Незначительное, розовое,
Как желе на мелком блюде.
До конца тебя использовал,
Лишь потом сумел проснуться.

Не моею смертью слепленный
Обескровленный куличик,
С этим миром крепко сцепленный,

Взятый в тысячу кавычек.

Значит, зря весь вечер думал я,
Что тоска моя напрасна,
Что тяжёлое, угрюмое
Пламя всё-таки погасло.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Я постфактум вечер неосмысленный
Осмыслю пальцами на блюде.
То мои фантазии бесчисленны,
То воображенье крайне куце.

Духи, объявитесь! Блюде мелкое
То ли в мистику меня вогнало,
То ли сплю пред грязными тарелками,
В коих раньше пища бытовала.

Как же всё прекрасно прежним вечером
С куличом и свечкой начиналось.
Не сумел сыграть я роль диспетчера.
Даже смерть, уйдя, не попрощалась.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Восьмая баллада

Любовь не рискует сажать самолёт
Туманному сердцу под кожу.
В печальную трубку вмерзает «аллэ!» —
Ты понят и прожит.
Сворачивай трубкой свои чертежи,
Кривые, как листья герани.
Хронометрам сдохшим пример покажи,
Давай, до свиданья!
Но вот чем утешься, ботаник-простак:
В сумятице бывшего сада
Терновый венец не покинет куста,
Сочувствие – взгляда.
Везунчик-очкарик, в такой простоте
И вновь оказаться на воле!
Что делать с пространством? Конечно, лететь!
Отсюда – на полюс.
Ты снова ребёнок, пустынный-Амур,
Укройся в темнейшей из комнат,
Где сила твоя не нужна никому,
Что значит – огромна.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Как много их было, баллад
Когда телефон зазвонит и тобой
Легко и с лихвой подотрутся,

Прозрею: у девушки новый плейбой.
Но сердце с душою сожмутся.
В ответ поправляюсь я: «Счастья тебе!
Не очень-то мне и хотелось!»
Однако увидеть её на столбе
Желание вдруг разгорелось.
Теперь утешает фантазий набор.
В мечтах искупаюсь пространных:
В мозгах воцарится безумный хардкор,
Но с тонкой игрой филигранной.
Вот чёрную кошку ловлю в темноте.
Не кошку – изменницу-деву.
Я сильный, и деве не хватит ногтей
Отбиться – мой выдержит невод.
Понятно? Я вовсе не бóтан в очках
(Очки в темноте не сверкают),
А мощный мужчина, пусть даже в годах.
Сейчас я тебя воспитаю!

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Августовский романс
Ты устала, я тоже устал,
Новый день не несёт исцеленья.
Помутился июльский кристалл,
Жизнь крошится, как будто печенье.

Не стряхнуть эти крошки в ладонь,
Не скормить их на улицах птицам.
Что ещё? Угасает огонь,
Перевёрнута наша страница.

Посвежей-то метафоры нет?
Ничего уже нет, дорогая!
Только августовский полусвет,
Но и он догорит, полагаю.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Добрый летний романс
Месяц август, и лету – конец
Я предчувствовать осень умею.
Вот метафоры свежесть – резец
Раскромсал нашу жизнь на затеи.

Взоры птиц обратились на юг.
Их куском пустоты не приманишь.
Без печенок теперь – как без рук.
Только сердце пернатым поранишь.

Прорицаю, что лету – труба!
Перевёрнута наша страница.
Не сорвётся в затеях резьба —

Сотни раз мне ещё пригодится!

МИХАИЛ ГУНДАРИН

В дороге

Будто раздвинулась занавеска
Или рванула в кустах граната —
С полной ладонью чужого блеска
Ангел стал виден над автострадой.

Облако это текло и тлело
В летнем закате до горизонта —
Призрак, уставший белеть на белом,
Таять намеком на старом фото.

Будет последним вечером света
Нынешний вечер? Или назавтра
Снова увидим пыльное лето,
Длинную ленту цвета асфальта?

ВЛАДИМИР БУЕВ

В своей квартире

Словно разверзлись небесные выси.
Ядерный гриб надо мной не повис ли?
Или, быть может, исчадие ада —
Демон висит над ночной автострадой?

Мне – хоть бы хны. Я ведь за занавеской.
В домике я. От несчастий спасают
Прочные стёкла – отмыты до блеска.
Призраки ночи ничуть не пугают!

Главное – панике не поддаваться.
Пальцам до фортки не дать дотянуться.
Утром возможности есть оклематься,
С ангелом, глядя в окошко, сомкнуться.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Вагон остроносых турецких ботинок,
Корейских носков три контейнерных блока.
В аду зажигают огни вечеринок.
Звезда моя жизнь, хороша и жестока!
Шуруй, Polaroid, пока этот воздух
Не стал чёрно-белым как яд или водка.
Теперь все подряд разбираются в звёздах,
Но тайну хранит – полинявшая фотка,
Где через размытый значок Мерседеса
А может, прицел проступает такое,
Что видеть подробней мешает завеса
(Опущена чьей-то умелой рукою).

ВЛАДИМИР БУЕВ

Астролог с поэтом лежат на погостах.
(Планета заточена под космодромы).
Теперь все подряд разбираются в звёздах,
(Не ведают истин одни астрономы).
Я в гости ходил в кучу обсерваторий.
Вдвоём в тех местах мы бывали, случалось.
Вкус звёздного неба во мне животворен.
Я ракурс искал, ну, а ты бесновалась.
Я всё же нашёл... (как давно это было!)
Со снимком в руках мы домой уходили.
Ты даже под утро тогда не остыла.
Меня все подруги твои осудили.
Пусть фотка стара, пусть она полиняла,
Пусть нет в ней цветов, кроме чёрного с белым,
Я помню ту ночь, ты тогда отжигала,
А я к телескопу прильнул между делом.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Романс

Зимний ветер вышибает слёзы,
Как шпана у школьника – рубли,
Как стихи – истории у прозы,
Или камикадзе – корабли.

Так не стой на месте, обезвожен
Будто бы январская река,
Торопись домой, чужак-прохожий!
Там растопишь снег с воротника.

Собери по капле дар случайный,
А сумеешь, так и береги,
В старом сердце или чашке чайной,
На краю безжалостной пурги.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Зимний вечер, даже не февральский,
Даже без чернил и без свечей,
Выдавит (не сильно – мало-мальски)
Грусть и слякоть из моих очей.

Грохотать никак не хочет слякоть,
В этом тоже кроется печаль:
В январе мокрот глазная мякоть
Выдоит немного – не февраль.

Не навзрыд течёт вода – по капле.
Сердце постарело или вдруг
Ложка чайная вконец одрябла —
Капель (как даров) не соберут.

Если бы февраль уже кончался,
Или март-апрель пришли во двор,
Вот тогда бы снег не удержался!
И чернильным хлынул форс-мажор.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Нужно было пройти
вечности (говоря
честно, всего пяти
сменам календаря),
чтоб я посмел спросить
о чём-нибудь призрак твой.
Но это словно такси
ловить на передовой:
просто нелепо,
да
и вариантов нет —
знаю, что, как всегда,
ты промолчишь в ответ.

ВЛАДИМИР БУЕВ

С призраком говорю
Целую вечность я.

Пусть я сейчас хитрю,
Бог мне один судья.
Я ведь ещё ничего!
Вечность моя – лет пять.
Кто-то мозгами «того»
Стал десять лет назад.
Лечащий доктор мой
Вечно при мне молчит.
Значит, и он такой:
Призрак и паразит!

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Эти струны будут возмущены,
Несмотря на то, что, поднявшись в рост,
Хлебным мякишем утренней тишины
Я замазал дырки на месте звёзд.
Таково воскресенье: проспять полдня,
Посмотреть наверх, покидая дом,
Хорошо, что видящие меня
Вспоминают прошлую ночь с трудом.
Это я по небу пустил волну,
Обвалил сияющий потолок
До утра стаканом ловил Луну
И почти поймал, да проспять прилёг.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Ничего не курил, не пил с утра.
В потолке звезда: не одна, а сто.
А из глаз летит за искрой искра.
Может, знак подаёт мне Кое-кто?
Вот свалилась Луна почти в стакан,
Что за ужас: не я поймал её.
Её бывший словил за хвост друган,
Мой сосед, что напротив. Вот хамьё!
Я зажмурюсь сильно и задышу:
Ночь и вечер мне стыдно вспоминать.
Я терзанием душу опустошу:
Зря соседу поставил в глаз печать.
Дыры хлебом замажу я в потолке
Я его подопру крутым бревном.
Потолок без протечек (лоб в холодке)
Не посмеет глумиться над пацаном,
Обрушаясь сонетом, другим стихом,
Мадригалом на голову свысока.
Я пойду прогуляюсь от всех тайком,
Чтобы ночью соседу вклеить пинка.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

февральскому дню на цыпочках нелегко
попадая/падая в молоко
осыпая себя ледяным конфетти
открывая пути/не зная пути

так и я – протянутая рука
стакан за мгновение до глотка,
оказался домом из которого все ушли

монетой которую не нашли
снегом, счищенным до голой земли

ВЛАДИМИР БУЕВ

то в кровать залегши то сидя во дворе
открываю/смеживаю глаза
я ленюсь в феврале как и в декабре
словно русский князь/татарский мурза

словно барин изгнанный прочь в октябре
из поместья предков моих, упырей,
всё ищу свой дом где большой сундук

станет столь же полезен как ноутбук
где не лазали руки и души хапуг

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Столетье смерти модерна. Вербное воскресенье.
Голову Олоферна вносят в чужие сени.
Что он видел? Двойчатки вечно живых соцветий,
каменные початки, смальтой полные сети.
Что он увидит – в стёкла пыльного саркофага,
в мире простом и блёклом, плоском, словно бумага?
Миру не надо линий, поворотов сюжета.
Ни орхидей, ни лилий ярого полусвета.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Модерн погиб, изничтожен. Рок-н-ролл мёртвый тоже,
но не забыт, похоже: помер намного позже.
Вносят в стальных перчатках голову полководца.
Трав полевых тройчатка сбавляет роль чудотворца.
Значит, модерн не умер, ставши метамодерном.
Не в саркофаге – в зуме жизнь потечёт Олоферна.
Если такая пьянка и Олоферн в модерне
сляпал свою делянку, пусть даже очень скверно;
если весь мир стал блеклой плоской простой бумагой,
если мужик из пепла – в метаболизм, в бодягу;
если всё это мета-, значит, модерн развился.
Значит, верна примета: метамодерн родился.
...Выдаст ли точное слово сердце на авансцене,
если Гребенщикова тыкву притащат в сени?

Что с миром станет, Боже, в воображение эстета,
рок-н-ролл если тоже вдруг разовьётся в мета-?

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Кто знает, из какой тоски, из перелома со смещением,
из ночи, рвущей на куски своим тяжёлым освещением,
мы выплываем на бульвар предновогоднего похмелья...
Встречай, окраинный квартал, героев горькой карамелью!

ВЛАДИМИР БУЕВ

Уж если всё плывёт в глазах и в голове пред Новым годом,
и тыркается мозг впотьмах, и тело стало стопудовым,
что будет, как курантов бой кварталу огласит двенадцать?
Герой в кровать или в запой? Что ждать несчастным до-
мочадцам?

МИХАИЛ ГУНДАРИН

почему не улететь отчего не в пятьдесят
очень просто: поглядеть что без нас давно глядят
лёгок лёгок одинок поднимаюсь словно шар
мир валяется у ног обознался оплошал
кто уже под потолком про того не рассказать

самым крепким языком не заметить не связать

ВЛАДИМИР БУЕВ

отчего не в сотню лет про полёт порассуждать
плюнуть сунуть и взглянуть как другой сумел вздохнуть
так легко легко внутри крепким стало бытие
слов тургеневских полно но они не жите
обозначился потолок не заметить не связать
языком не обвязать матом сложно написать.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

То сожмётся, то разожмётся,
Птичьей дрожи полным-полно,
Будто смотрит со дна колодца
В занавешенное окно.
Мёртвым звёздам снится немного
И одно и то же всегда:
Нарисованная дорога,
Перевернутая вода,
Старый дом с кривыми углами,
Где вот-вот закроет глаза
Жизнь, завязанная узлами —
Воспалённая железа.

ВЛАДИМИР БУЕВ

То потухнет, то разожжётся,
То погаснет опять, то сгорит.
Так душа у поэта рвётся:
Витаминов в ней дефицит.
Россыпь звёзд показала изнанку:
Не щадя своего живота,
В воду плюхнулись. Спозаранку
Им могилою станет вода.
Отраженья в природе разлиты:
Двойники, тройники, все дела —
Перевёрнуты, но не разбиты
Зеркала, зеркала, зеркала...

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Снежной весны столица, каменное жнивье,
Нужно развоплотиться, чтобы забрать своё.
Строятся гороскопы, слышатся голоса,
Телефонные тропы тянутся в небеса,
Где по тропе мороза катится агрегат,
Серебро и глюкозу рассыпая подряд.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Сложно в Москве пробиться, заняты все места.

Впрочем, в любых столицах нет для сверчка шеста.
Люди кружком теснятся, вверх закатив глаза.
В блюдца упёрлись пальцы, вздрагивают уста.
Вот уже дух явился, с миром иным контакт
Тут же установился. Справился агрегат!
По телефонным тросам смог я наверх пролезть.
Так миражи наркоза на кол заставят сесть.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Сказка

В одном далёком городке гора приставлена к реке
И смерть невдалеке
Её не бойся – это твой передовой городской
Единственный конвой
Он отведёт тебя туда где камень есть и есть вода
Но нету и следа
От рек и гор и городков а только море огоньков
Над полем облаков

ВЛАДИМИР БУЕВ

Где сказка, там и быль

В селе прожить не все хотят из-за коров и поросят
К хлевам приговорят.

Но ты впрягайся – это хлеб для тех кто креп фанатик
скреп

И кто любитель реп
Село – природная среда кругом чистейшая вода
Наплюй на города
Река и горы и овраг но городских тут нету благ
Для сельских бедолаг

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Пели-спали, где только придётся, водку в ступе любили
толочь.

Но не пьётся уже, не поётся, и не спится в холодную ночь:
Жизни жалко и жалко собаки, остального не жалко почти
В подступающем к сердцу овраге, у большого ненастья в
горсти.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Тили-тили (не тесто с невестой), трали-вали (прошли это
все):

Водку в ступе мололи совместно, языками мололи эссе.
А потом изменили порядок. Не порядок, а слово одно.
Водку стали толочь без загадок, языками – толочь молоко.
Спились-съелись, в Корее пожилы. Жаль с тех пор горе-
мычных собак.

Шерсти горсть в чутком сердце хранили, надо клоч этот
съесть натошак.

Тили-тили, опять проходили, трали-врали, как все хвастуны.

Не поётся, но пить не забыли – так в ненастьях живёт полстраны.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Девятый класс

Где у подъезда толкотня и тёмный лес тяжёлых рук
Там ждут надеюсь не меня я слабый враг неверный друг
Качели, горки, гаражи – темны распятыя во дворах
Попойки, драки, грабежи ты прахом был и станешь прах
А дома книжная тюрьма обойный клей колода карт
Уйти в бега, сойти с ума советует лукавый бард
Но нет надёжнее пути сквозь стыд и срам чужих дворов
Чем сон-травую прорасти не оставляющей следов
А в небе ледяной металл и если лечь лицом в бетон
Увидишь то что так искал – свой неразменный миллион...

ВЛАДИМИР БУЕВ

Школьник

Я перед выходом во двор в два раза делаю острее
Свой бдительный орлиный взор, иначе шанс поймать люлей
От гопоты имею враз, от этих мрачных забияк

Ершистых наглых злых зараз, я жуть боюсь пацанских драк

Все нороят достать кулак, поставить мне большой синяк
Да я слабак ну пусть слабак, и я не то чтобы смельчак
Но и не трус, ну пусть боюсь, и потому не оступлюсь
Я дома в угол свой забьюсь, на чтение книжек навалюсь
Колоду карт в пасьянс сложу – всё тренировка для ума
Зато в штаны не наложу, и теоремою Ферма
Прозабавляюсь вечер весь, ботаник я, мне стыд и срам
Вдыхаю клей как будто взвесь не веря собственным сле-
зам

Дурманы в сером веществе мотив подарят просиять
Свалиться мордой в оливые и рубль последний разменять.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Это новая песня на старый лад,
на зубок её брали и там, и тут:
из живущих каждый не виноват,
виноватые вниз головой цветут.
Они камни колышут на площадях,
иногда приснятся, как зимний лес,
где деревья чёрные все в гвоздях
(но иных не встретишь ни там, ни здесь).
Они тоже хотели из общих зол

выбрать меньшее, стать серебром планет...
Опустили сердце в густой рассол,
позабыли на девяносто лет.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Посидеть на двух стульях не всякий рад,
понимая последствия там и тут:
можно выйти оттуда в Эдемский сад
или выбрать совсем иной маршрут.
Те, кто жив – обыватели хоть куда:
приспособились через камни шагать.
На чужие кто умышлял места,
тот готов рассвет на ветвях встречать.
Заколышутся камни на площадях,
на ветвях закачаются булки враз —
и окажутся новые на гвоздях:
годы прежние выползут напоказ.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

В Транквилиуме этом, Тропарёво,
ещё при позапрошлом короле,
едва сопротивлявшееся слово
полнеба мы тащили на пиле.
Усохли дни, зато набухли ночи,

ни слов, ни пил. И, честно говоря,
сегодня даже небеса не очень
подходят для тасканья словаря.
Бог в помощь нам, дельцам и дилетантам,
катящимся с невидимой горы —
ладони добродушного гиганта.
Теперь и это в правилах игры.

ВЛАДИМИР БУЕВ

В иных мирах я тоже как-то шастал,
В Транквилиум опять же забредал.
Но, может, зря сейчас о том похвастал?
Всего лишь в Тропарёво побывал.
И там мне было тяжело: слова ради
единого я поднимал пилу.
Я был Атлантом, ибо в роли клади
волок (подобно мощному волу)
полнеба на пиле простой двуручной.
Я так старался, даже изнемог.
Но Бог исправил день мой злополучный,
устроив мне счастливый эпилог.
Весь вечер без пилы хожу свободно,
И завтра тоже в гору не пойду.
Сизифов труд – как это благородно!
Но дилетанты с нормой не в ладу.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

месяц ели мокрый хлеб
что отпущен был по водам
а потом приплыл обратно
мы довольны не вполне
этим хлебным тихоходом —
у него на шкуре пятна
ну а если утонул
значит все мы утонули
хоть плавучи будто пробки
но не дали нам уплыть
утопили и вернули
и хранят в сырой коробке

ВЛАДИМИР БУЕВ

кушать хочется всегда:
мокрый, свежий хлеб, сухой ли —
глядя сверху (соразмерно)
сознаём не о еде
речь сейчас идёт лихой ли
или может быть примерный
тот кто плавает в реке
он не плавает а всплывший
пятна трупные мелькают

из-за газов вздут живот
нам глаза на мир открывший
что иной мир все узнают

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Полуэктов видит короткий сон:
горящие города.

Просыпаясь, берётся за телефон,
сообщает туда, куда.

Это просто работа. Его оклад
не зависит от темы сна.

Важно, чтобы записывал всё подряд,
разберётся сама страна.

Полуэктов трогал ядерный гриб,
но медаль получил за то,
что однажды увидел двух мёртвых рыб
в алюминиевых пальто.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Появилось в истории много тех,
кто фальшью кроет её,

Искажает суть, скрывает успех,
нутро обнажая своё.

Полуэктов Павел про ядерный гриб

знал всё, что положено знать.
Он ядерщик. Доктор. Возможно, рыб
в озёрах он мог созерцать.
Пахал папой Карлой. Открытый воз
наделал учёный наш.
Плохой в онкологии был прогноз,
Не спал и не впал в саботаж.
Страна оценила, вручила медаль,
не ту, что скажут потом.
И прочих наград была спираль —
Заслужены все трудом.
...А в части алюминиевых пальто,
которые парочка рыб
напялила будто бы (вот шапито!),
то это простой недосып.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Петров закончил заготовки
обыденное моросит
троллейбус двинул с остановки
и не дождался, паразит
Петров, зачем свои соленья
ты кутал в старое пальто?
из огурцов и перцев тленья

не избежал ещё никто
ты скажешь плотная закрутка
и ледяные погреба
плывёт немытая маршрутка
Петров, а я скажу судьба

ВЛАДИМИР БУЕВ

Петров в подвале задержался
не -Водкин, а простой Петров
и потому он занимался
соленьем перцев-огурцов
а вовсе не спиртных напитков
распитьем наглым среди дня
ушёл весь транспорт вновь попытка
вернуться в офис обгоня
троллейбус вкупе с той маршруткой
не мытой год иль целых пять
обед закончен и закрутку
успел он до конца сваять.
и разовьются отношенья
из погребных зимою льдов
Петров достанет все соленья
из перцев и из огурцов
не ждите от Петрова тленья
он сытно ест пешком идёт
респект Петрову уваженье

судьбу Петров подальше шлёт

МИХАИЛ ГУНДАРИН

мушкетёры твои ацтеки
где Мария
в начале лета
проводила друга навеки
а запомнила только это
как стоял на тяжёлом камне
посреди ледяного неба
говорил всё равно запомни
улыбался нелепо
это было в книге не в книге
гастронома среди эфира
где хромая душа
выпрыгивать
училась за двери мира
до сих пор золотые титры
зависают над облаками
это мантры Мария мантры
всё дословно что было с нами

ВЛАДИМИР БУЕВ

то ль Мария то ль не Мария

Магдалена
но эйфория
обуздав меня Мельпоменой
драму гасит асимметрией
историчность былых страданий
и блаженных улыбок кротость
у Марии-доньи метаний
не отнимут убогость
ведь Кортес на тяжёлом камне
постоял неспроста взирая
как ацтеков бойцы арканят
как империя исчезает
ты Мария просто Мария
Магдалена или Марина
если в мантрах твоя ностальгия
в Мельпомене причина

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Из старой тетради

Землю увидеть во сне, ты сказала, дурная примета.
Для посвящённых – предвестье тяжелого года,
как урожай огурцов, как злодейка-комета,
хвост перед каждым задравшая не без дохода.
Я возражу, ибо что нам, астралопитекам,

в этом случайном стеченье чужих обстоятельств!
Ради забавы представишь себя человеком —
сразу навалится груз долговых обязательств.
Трудно лететь, трудно плыть под холодной водою,
трудно раскрашивать мир в надлежащие краски.
Там, где погасло твоё и моё золотое,
трудно представить глаза без тяжёлой повязки.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Из нового блокнота

Ты поутру огурцов насолила большую бадейку.
Я уточнил: мол, ты землю во сне повидала?
Прямо не можешь ответить, всё ищешь лазейку:
что-то бормочешь, что деньги в семью доставала,
что, мол, всю ночь ты очей голубых не смыкала,
и что ты вечно в нелёгких заботах домашних.
Я по глазам твоим вижу, что хочешь большого скандала,
и потому приведу свои доводы круче вчерашних.
Скрыться в астрале – не то, в Австралии греться;
просто питеком не быть, и забыт питекантроп —
так возражу, и придётся тебе утереться.
Спорить со мной тебе не дали музыки таланта.
Трудно быть богом, но запросто – домохозяйкой.
Трудно раскрашивать мир в надлежащие краски.
Я понимаю: быть тяжело болтушкой-незнайкой.

Вот же, возьми, и на рот повяжи свой повязку.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Считалка

Кто проснулся кто приснился

Кто пошёл и выпил море

Кто совсем не изменился

Кто ошибся в разговоре

Всем нам следовало строже

сохранять свои руины

А теперь-то кто поможет?

Кто не с этой половины?

ВЛАДИМИР БУЕВ

Посчитали – прослезились

Старики сошлись в угаре

Детство вспомнили, визжали

И в одном большом кошмаре

По колено в море встали

Как цыплят считают в осень

Так и эти просчитались

Год был прошлый одиозен

И здоровья не осталось

Всем им следовало строже

Сохранять свои руины
Но теперь им кто поможет?
Не осталось половины

МИХАИЛ ГУНДАРИН

где небо будущим беременно
а тут продлёнка третий класс
мы все идём тропею Римана
но Риман умер не за нас
зазя пространство многомерное
густеет в баночке чернил
всё ассонансное, минорное
какое ты и сам любил
иное только улыбается
не поддаётся мирный квант
он с нами пьёт, грешит и кается
как привокзальный музыкант

ВЛАДИМИР БУЕВ

немало Риманов, казалось бы,
коптили небо за века
история не примет жалобы
ни от кого наверняка
американцы, немцы, русские

их было много на челне
но были все они моллюсками
никто не мог встать наравне
с тем кто прославил математику
(всего-то сорок лет прожил)
кто дзета-функцию фанатикам
как ряд Дирихле предложил
где нуль значенья избирательны
у дзета-функции тогда
когда все числа отрицательны
но чётные как дважды два
и к Римана с тех пор гипотезе
хотят прильнуть те рифмачи
кому пространство снится в образе
чернильной банки у свечи
те, кто в пространство улыбаются
иль кому щерится оно
тому кто пьёт грешит и кается
и с музыкантом заодно

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Ты-то помнишь эту музыку ТВ
Эти танцы в беспощадной синеве

Помню-помню занавешенный экран
Чью-то кровь из чёрно-белых рваных ран

Были молоды мы, молоды тогда
А над нами говорящая вода

А над нею ледяные небеса
Между ними города и голоса

Десять жизней уместились в полчаса

ВЛАДИМИР БУЕВ

Жизнь в сознании проносится тогда
Когда смерть в тебя толкает тонны льда

Успевает пробежать всего за миг
Заявляя: ты всего уже достиг

Если десять жизней, миггов пять плюс пять
Но не полчаса, не стоит людям врать

Танцев нет, но занавешен весь экран
Даже если крови нет и рваных ран

На столе опять наполненный стакан

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Числа

всего 500 рублей и снова жив-здоров
посаженный на клей окраинный Брюллов
но нету пятисот в промозглom декабре
среди былых красот шуруй без якорей
возьму 150 нашарив 200 и
весну не запретят (но кажется смогли)

ВЛАДИМИР БУЕВ

Весна-лето

ну почему Брюллов? быть может Пикассó?
ведь первый был здоров не сел на колесо
а может и Дали ещё такой ван Гог
ширялись ведь они а вот Брюллов не смог
окраинный Дали, ван Гог иль Пикассо
не смог найти рубли но ведал адресок
где в долг дают весну и лето где поймать
не грех (чтоб пацану два раза не вставать)

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Проводы зимы

Сегодня откроем забрало,

прикроем тяжёлое тело.
Как долго зима умирала
и знать ничего не хотела!
Незнание – это привычка,
а знание – это засада.
У пьяных ломаются спички,
а трезвым огня и не надо.
На празднике нового леса,
растущего вровень с подошвой,
обнимемся без интереса,
расстанемся не заполошно.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Зима. Крестьянин торжествует...
Забрало лицо мне скрывало.
Нисколько меня не смущало,
что весь остальной я был голым
(весь лёгким, совсем не тяжёлым).
И вот наконец я решился
забрало открыть. Удивился:
в округе зима бушевала —
и холодно сразу мне стало.
Незнание – это привычка,
а знание – это засада.
Карманов коль нет, нет и спички.

Огня же сейчас ох как надо!
Тут публика вдруг объявилась
(за соснами прежде таилась?):
на празднике нового леса
глядит мне в лицо с интересом.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Ночной троллейбус № 20

В сторону Серебряного Бора
(как темна листва его густая!)
по волнам ночного разговора
движемся, почти что засыпая.
День был жарок, полночь – неизбежна,
за окном то смерть, то бакалея.
Приближаясь к линии прибрежной
замирает старая аллея.
И уже невидимы ансамбли
новых зданий, слепленных по-птичьи.
Созданный единым взмахом сабли,
крепкий берег ждёт своей добычи.
Надо стать прозрачней, неприметней
стёклышка троллейбусной теплицы,
чтоб исчезнуть с девяностолетней,
так и недописанной страницы!

ВЛАДИМИР БУЕВ

Медленный транспорт

Едем на троллейбусе с тобою.
Я хочу быстрее в кровать свалиться,
насладиться полной тишиною
и... твоими стонами упиться.
Еле тащит транспорт тушки наши.
За окном у бакалеи хулиганы.
Бродит смерть ночная рядом с пляжем.
На аллеях скрылись атаманы
с саблями и ждут своей добычи.
А шофёр – как будто спит в теплице.
Я сейчас бы взгрел его обличье,
невзирая на любые лица.
Побыстрее, троллейбус, что ты медлишь!
Вот уже не видимы ансамбли
новых зданий: как тут уцелеешь!
Чую: наступил на те же грабли.
Мысли о другом (совсем некстати).
Лет мне девяносто. До кровати
я смогу добраться и свалиться.
Но смогу ль тобою насладиться?

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Вторнику много надо:
он чемпион всего,
сам себе крест, ограда,
дилер и вещество.
Я же заброшен в среду.
По острию ножа
дымным поездом еду.
Стало быть, заряжай!
Ставлю кассету грома
в каменный пулемёт.
Скоро мы будем дома —
вечности не пройдёт.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Вторнику надо много,
в среду заброшен ты.
Пятница – у порога
будничных дней мечты.
Но чемпионским выям
бесу не повредить.
В лидерах – выходные.
Было так, есть и быть!
Будни – они жестоки.
На остриё ножа
нечего экивоки

делать, коль заложа
в джинсы кассету грома,
рвёшься быстрее домой.
Скоро ты будешь дома,
вечностям не впервой.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Весёлая тоска венецианских зим,
божественный мотив под номером четыре.
Он умер, но смотри, остался негасим
и медленно плывёт в предпраздничном эфире.
Лови, покуда он – полупрозрачный шар
из рыбьей чешуи сияющего моря
(рисованной страны несмелая душа,
блаженное окно в стене ночного горя)

ВЛАДИМИР БУЕВ

Божественный мотив из литер четырёх
в значенье музыкальном опусом зовётся.
И опусов таких из разных эр, эпох
не два, не три, не пять десятков наберётся.
Времён у года есть четыре (а не пять),
И ровно столько же концертов у Вивальди.
Венеции тоску на скрипке обыграть

сумел он точно так, как Ломоносов – смальту.

А рыбу чешую сумел познать поэт
посконный и лихой, большой знаток покушать.

Он видит чешую и рыбий силуэт
в шарах и там, где в окнах можно море слушать.

P. S. Короче, везде: не складно, зато верно, как учение

Маркса, которое всесильно.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

На кухне

Полночь бродит долгими кругами,

тёмная, невидимая нам,

розовым вином и пирогами
веселящим сонный Инстаграм.

Батарею тёплую потрогай,

помечтай, что посреди пурги
в этот дом потеряна дорога...

Но уже сужаются круги.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Там же

Ночь мне очи застит. Я включаю
свой проверенный годами ноутбук.

(Полночь – это к слову). Открываю

Инстаграм, а сам пишу в Фейсбук.
До полуночи минут так тридцать.
Не беда! Пурга – везде пурга.
В полчаса пурге не завершиться —
к тёплой батарее жму бока.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

А день был таким простым,
Ярким, одушевлённым
Зелёным и золотым,
Золотым и зелёным.
Утром любили нас,
Вечером обижали,
День понемногу гас,
Размывая детали.
В темноте полетим
К огонькам отдалённым,
Зелёным и золотым,
Золотым и зелёным.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Тра-ля-ля. Проснусь. Увижу
Жёлтое на зелёном.
Как будто бы я в Париже

В Версале ихнем хвалёном.
Любили тут постоянно
И утром, и вечерами
Безбожниц преокаянных.
А пуще всего – ночами.
Дождусь темноты. Спрячусь.
Я чувства к искусству питаю.
Ведро зазвенит – раскорячусь.
Уборщицу в сети поймаю.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Всё идёт по плану. Весна – красна,
Карусель скрипуча, как древний бог.
Лишь самой себе до конца верна,
Раскрывается книга в двенадцать строк.

Вот и всё, что осталось от болтовни
Пылкой юности (думали – не унять!).
Двадцать третьего будет плюс пять в тени.
Не забудь же перечитать

Эти строки, придуманные тебе.
(А по сути, придуманные тобой.
И особо – двойной пробел,

Несмолкающий, как прибор...)

ВЛАДИМИР БУЕВ

Карусель скрипуча? Есть солидол —
Он не только в вёсны осилит скрип.
Книг в двенадцать строк поиск был тяжёл,
Но стихов полно у поэтов-глыб.

По двенадцать строк у Бальмонта есть.
Грибоедов, Пушкин, Есенин, Фет,
Маяковский, Брюсов – пусть всех не счесть,
Но на память вспомнит любой эстет.

Здесь Ахматова с Блоком прошлись по льду.
Тут Некрасов и Лермонтов жар гребли.
И Цветаева в этом длинном ряду.
И попроще поэты жгли.

Вдруг поэму «Двенадцать» имел в виду?
Человек там двенадцать, а не строк.
Я словесную снова бурю руду,
Чтобы выучить тот урок.

Эти строки, придуманные одним
(А по сути, придуманные другим)
Плагиатом не станут никаким,

Я надеюсь... но пальцы скрестим.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Сердце качается, как вагон
Поезда «Барнаул-Кулунда».
Повторяется, как рефрен,
Продвигается, как патрон
В тоннеле грязного льда.

Здесь попутная лесостепь
Царапает стёкла до дрожи,
Здесь нарезанный чёрный хлеб
На серой газете разложен.

Крепко-крепко связан стоп-кран
Проволокой железной.
Я её размотаю сам,
Горячо, бесполезно.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Пропустил остановку? Проспал?
Разогнаться твой поезд успел?
Чья ж вина, что ты спал наповал
Или если в окно ты смотрел,

Если взор твой бежал в лесостепь
Или если ты хлеб поглощал?
Повторюсь: чья вина, коль нелеп
Сам раззява, упавший в астрал?

Чья вина, что не спрыгнул, когда
Осознал, что вагон твой в рывке?
Твоя воля была не тверда,
Коль стоп-кран не сорвался в пике.

Ничего – вот достигнешь села
(Кулунда – там маршруту конец),
Раз уж смелость твою забрала
Рукоятка простая, хитрец!

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Очередной зимы стальная ось
Легко нашла живое полотно,
Вошла в него, прошла его насквозь
И там, где вышла вон, – воспалено.
Но поболит недолго: это март,
Неприхотливый черновик всего,
Дурак-игрок в карманный бильярд,

Полезное, однако, существо:
Ему известен путь в холодный лес,
Где рваный город вроде башмака
Валяется среди семи небес.
Их видит тот, кто старше сорока.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Наука молча принимает факт,
Что семь небес в апокрифах живёт.
А то и десять – компромиссный пакт
Не заключён. В фантазиях – полёт.
Кругов ещё у ада тоже семь.
А может, девять, кто ж там вёл подсчёт!
Ну, разве Данте то ли стратегем,
А то ль мифологем провёл учёт.
Черновики неприхотливых столь уже,
Что даже март (не только мир) готов
В них захлебнуться при демонтаже
Конструкций из осей и облаков.
Очередной зимы стальная ось
На полотне живом отоспалась,
А в марте у оси всё вкривь и вкось.
В том полотне зараза завелась?
Не старше сорока в твоих мечтах?
За пятьдесят давно – всё миллиард?
Игра на городах как башмаках

В холодный лес пристроит даже март.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Закроем глаза, чтобы лучше видеть
Серебристые облака,
Ползущие медленно, как в обиде,
К центру материка.

Пена космического прибоя,
Светящееся ничто,
Трансгалактического конвоя
Штопаное решето.

Или наоборот – посланья
Тем, кто всегда вдали,
Тяжёлые, кружевные зданья,
Поднявшиеся с Земли, —

Мелом струящимся расчертите
Нашу ночь на лету,
Пробросьте свои ледяные нити
Сквозь каждую темноту!

ВЛАДИМИР БУЕВ

Три сорта темноты познал я в жизни:
Есть «всякая» кругом,
«Любая» тоже есть, но мною признан
Лишь сорт один хитом.

У темноты-хита свои симптомы:
Глаза зажмурив, видеть свет,
Смотреть с блаженством, как плывут фантомы,
Каких в реале нет.

Мелом расчерчен асфальт на квадраты —
Это послания Бога.
Но не дают их прочесть бюрократы
Под глупым предложением.

Я в облаках, кружевных этих зданьях,
Плывать мастак.
«Каждая» – третьего сорта название.
Третий – не брак.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Андрей Сергеич Птах был просто человек
Не то, чтобы дурной, не так, чтобы опасный.
Но вот уже к нему над зеркалами рек

Два ангела летят, малиновый и красный.

Малиновый красив с нечётной стороны,
Но мёрзнет, потому Больших Огней поклонник.
А Красному тепло и в Ночь Пустой Луны,
И в День Закрытых Глаз, и вечером во вторник.

Их общая печаль мелькает в зеркалах.
Андрей меж тем сидит и трёт с усилием шею.
Один короткий спазм – и он падёт во прах,
Но ангелы споют несчастному Андрею.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Три сорта темноты познал я в жизни:
Есть «всякая» кругом,
«Любая» тоже есть, но мною признан
Лишь сорт один хитом.

У темноты-хита свои симптомы:
Глаза зажмуриив, видеть свет,
Смотреть с блаженством, как плывут фантомы,
Каких в реале нет.

Мелом расчерчен асфальт на квадраты —
Это послания Бога.
Но не дают их прочесть бюрократы

Под глупым предлогом.

Я в облаках, кружевных этих зданьях,

Плывать мастак.

«Каждая» – третьего сорта названье.

Третий – не брак.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Андрей Сергеич Птах был просто человек

Не то, чтобы дурной, не так, чтобы опасный.

Но вот уже к нему над зеркалами рек

Два ангела летят, малиновый и красный.

Малиновый красив с нечётной стороны,

Но мёрзнет, потому Больших Огней поклонник.

А Красному тепло и в Ночь Пустой Луны,

И в День Закрытых Глаз, и вечером во вторник.

Их общая печаль мелькает в зеркалах.

Андрей меж тем сидит и трёт с усилием шею.

Один короткий спазм – и он падёт во прах,

Но ангелы споют несчастному Андрею.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Андрей Сергеич Птах был просто человек.
Но был ли этот тип приличным человеком,
Коль примагнитил он, заканчивая век,
Двух странных по своей расцветке имяреков?

Поди тут разберись, какой с небес сигнал.
Не белый херувим один. Второй – не чёрный.
Знать, падших нет среди них. Но красный? Маргинал?
Малиновый? Возможно, этот рукотворный.

Андрей Сергеич Птах не хочет околеть,
А потому проснуться тужится активно.
Трёт шею в грёзах он, что начала синеть.
Готов договориться с небом конструктивно.

Не знает Птах Андрей, что был обманут он.
Мошенники за нос всю ночь его водили.
Из кошелька его украден миллион.
...И заодно трюмо злодеи прихватили.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Окно

Двадцать четыре. Ноль.
Время на новый лад.
Ты уже спишь. Позволь

бросить прощальный взгляд
издали на окно,
гаснущее всегда, но не для всех.
Одно
это уже беда!

Я-то попал в число,
знающих, в чём секрет,
я-то и сам назло
прочим
гасил твой свет.

ВЛАДИМИР БУЕВ
Всем расскажу сейчас,
как я гасил твой свет.
Полностью без прикрас
я разглашу секрет,
что в темноте потом
было у нас с тобой
и кто затем тайком
хлынул к тебе рекой.

Всё расскажу другим,
будет им несть числа.
Пусть тебя съест Гольфстрим,
коль под других легла.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

скрипел снег
под ногами
подшучивал век
над нами
88-й кончался
вернуться туда домой
там бы остался
на том сейчас и стою
шатаясь малость:
мы были тогда в раю

ВЛАДИМИР БУЕВ

зимой снег
крутит
любой век
шутит
а нынешний даже
мúтит
или мутíт
но не студит
хочу в прохладу в холод
ведь жар в котле —

что голод
но вдруг перевернулось:
в раю мне
обманулось
год 21-й
иного века
в аду приносит
счастье человеку

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Манга

Когда с толпою кукол
Под крики горожан
Пересекаю купол
Расцветки баклажан
Я так хочу обратно
В хрустальный ком зрачка
Где крапинки и пятна
Легли наверняка
Но никого не впустит
В разбитые очки
Закрывшееся устье
Пылающей реки

ВЛАДИМИР БУЕВ

Хулинаньё

Когда к речному устью
Пришли гурьбой мы всей
Прославить чтоб искусство
Пустили в синь огней
И тут же всплыл из мрака
Бросая матюки
Суровый мент-макака
И мне разбил очки
В глазах полно осколков
Зрачки пронзают тьму
Толпа вокруг примолкла
Мне ясно почему
По куполу без ласки
Мне лупит этот мент
И баклажана краски
В глазах эквивалент

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Незнайка на луне

В коммунистических, нервущихся
И шляпе с ащкими полями
(И это всё моё имущество),
Я там, над вами вверх ногами.

Что за нелепая утопия!
Но детство всякое нелепо,
Как насморк или плоскостопие —
Мороженое вместо хлеба.
Пускай бредово, но продуманный
В подробностях, до каждой спицы,
Давно поломанный, полуденный,
Вам этот мир всё так же снится.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Незнайка просто спит

В бреду я или в грёзах сладостных,
Не знаю: в лапах я Морфея.
Но жить в отключке крайне радостно,
Над бранным миром гордо рея.
Я в шляпе с траурными перьями.
И не слетает шляпа эта,
Хоть головой я вниз. Поверьями
Я вею древними. Воспета
Душа поэта, как утопия,
Коль хлеба хочется с мороженым.
Но сон фантомен, он лишь копия
Реальности, на ноль помноженной.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Треньё слизистых, пеньё медных,
Шелестение остальных.

Целый мир – от его победных
До его никаких —
Умещается между бедных,
Беглых гласных имён Твоих.

Здесь безумие, и паденье,
И любовь моя, и вина —
Просто звуков сосредоточенье,
Неудавшаяся тишина.
Нам оставлено только зренье,
Жизни судорожная волна.

Что же я всё хочу услышать
Предназначенное не мне?
Мир таится полночной мышью,
И в мучительной тишине,
Как оборванная афиша,
Бьётся небо в моём окне.

ВЛАДИМИР БУЕВ

А всего-то хотел я сказать,
Что умею рот открывать,

Звуки тоже могу издавать.
И по гласным стучать.
По ударным ударными бить:
Я сумел Тебя полюбить.

То галдёж звучит бесшабашный,
То на кладбище тишина,
То раздумий потоки зряшных,
То безмыслие пахана.
Хорошо, очки в рукопашной
Пощадила мои шпана.

Вот была Ты и нету любимой:
По ушам получил я сполна.
Прозреваю теперь, где незримо —
Не сумели сломать пацана!
Оставаться хочу невредимым,
Потому и сажу у окна.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Парочка

Движенья лицевой мускулатуры
свидетельствуют: девушка не плачет,
а просто всё могло бы быть иначе,

да только день сегодня слишком хмурый.

Уткнись лицом в то сердце, что амурь,
ползущие на задней передаче,
могли б разить повдумчивей, а значит,
иными были б ваши шуры-муры...

Но прочь мечты! Пока закат алеет,
румян своих постылых не жалеет,
бросая их на щёки и на лоб,

под кожаной тужуркою согрейся,
и более не плачь и не надейся —
иного нужно, было лучше чтоб.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Любовь

Могла бы порыдать — так нет же, жмётся.
Сдалась бы мне — и плакала бы вволю.
Девице этой всё никак неймётся.
Я час её пасу и балаболю.

Не только на лице мускулатура
у девушки, меня что захватила,
но мастер в боксе милая натура —

мускулатуру в бицепсах развила.

Быть может, разрыдаться мне пристало,
пока в закате солнце умирало?

Ведь ночью точно врежет больно в лоб

красавица-девица с голой грудью.

Отдаться самому ей, ведь безлюдье?

Чего ж ей нужно, лучше было чтоб?

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Проездом

Во сне я пришёл к ней с двумя бутылками водки
в синей дорожной сумке (с утра на вокзал),
так, повидаться, вписаться на ночь, о чём и сказал
прямо с порога. «На кухне» – добавил кротко.

И вот мы на кухне. Под пение сковородки
я наклонился, поцеловал
хозяйку впервые за столько лет. Сломал
к чёрту весь этот лёд. Она мне ответила. Вот как

славно всё начиналось. Но тут сплошняком пошёл
текста финального частокол,

сериальные титры – бестолочь и мученье —

оставляя за кадром самую суть —
цветастый халат, обнажённую грудь...

Такова поэзии мерзость, её назначенье.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Походя похоть

Явился к бабе без шампанского. Чего хотел?

Будь рад, что вообще впустила на порог.

Свою всю водку выпить возжелал – полный беспредел.

С боем на кухню отправлен – такой вот пролог.

Столетним дедам и без водки негоже цеплять
девиц помоложе, пусть им уже семьдесят пять.

Но если в атаку пошёл, то иди до конца,
иначе и в сто пятьдесят не увидишь венца.

Мелькание телека, стих из ума не идёт:
то рысью несётся, то встанет, то еле ползёт.
Зачем я явился сюда, позабыл – вот мученье.

А, впрочем, всё явственно осознаю.

Я грудям с халатом цветастым гимн с одой пою,
но орган сто лет, как забыл о своём назначенье.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Осеннее утро (похмельный сонет)

Неизвестному времени суток
Мы, как в юности, отдали долг.
Наша кровь, словно сказочный волк,
Из темницы выводит рассудок

Издыхая, несёт в промежуток
Между часом, чей бубен умолк,
И вечерним, звучащим, как шёлк,
Ох, не близким... Теперь не до шуток!

Поднимайся с постели, дружок,
Делай кислого пива глоток,
Принимайся за дело по новой.

Ты, царевич, один, ты один,
Вбитый в сердце осиновый клин,
Шерсти клочок на рубахе шелковой.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Утро туманное

Вот читаю я Мишу, пытаюсь
Вспоминать, где был сказочный волк,
Кто, рассудком чужим восхищаясь,
Из тюрьмы ум спасать ведал толк.

Но, наверно, в мальцовстве я сказки
Очень редко и плохо смотрел:
Смысла в куцах парнячьих отмазках
Про долги потому не узрел.

Поднимаясь с постели, дружок,
Мины кислой (мол, не новичок)
Не раскрашивай в краски лимона:

Мол, ты хан, падишах иль султан,
Или круче ещё – Дон Жуан,
Дескать, нужен гарем для гормона.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

С работы

Хорошо говорить и плыть
По снежному и чужому,
Наматываясь, как нить,
В направлении к дому.

Этим вечером столько лет,
Как я трезв и в дороге,
Как витрина, ломаю свет,
Обиваю пороги.

Нужно вольную дать огням,
Чтоб о нас рассказали,
Догорев, побывали там,
Где мы будем едва ли.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Размотаться на километр
Или сразу на пять кэмэ.
Я сегодня на тело щедр,
Хоть сегодня в своём уме.

Стану ниткой (я трезв, друзья)
И лучом в тёмном царстве зла.
Света луч – это точно я
(Катерина давно сгнила).

Я витрина. Сияю я.
Нужно вольную дать огням.
Пусть сияний моих струя
Побывает и тут, и там.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Облако

На остановке автобусной,
города на краю,
припоминаю подробности,
снег перелистываю.

Вечер для неудачника
слишком хорош, а для
позавчерашнего мальчика
слишком холоден... эх!

Все мои детские страхи,
звуки, первой любви
зряшные тени и запахи
вспомни и оживи.
Извлеки их из облака,
падающего на всех,
чтобы укрыть, как войлоком,
этот город и снег.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Облако в штанах

Позавчера я был мальчиком —
перемены близки.
Побродил по подвальчикам —

от мальчика – угольки.
Нет, не стал я девицею,
неудачником стал.
Этот город темницею
для меня побывал.
Холодрыга по-зимнему.
Страхов детских хочу
и дурмана интимного,
где не надо к врачу.
Я сейчас грею пальчики,
и страшусь пацанов.
Вот бы снова стать мальчиком
и вернуть город снов.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Старый мотив

Снегу следует падать,
Бормотать на лету,
Находить себе радость
В полумёртвом саду.
Утверждать по привычке,
Что растает не зря,
А входя без отмычки
В двери календаря.
Потому что обещан

Всем достойный конец,
Даже если не вещим
Был наш лучший певец.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Вечный мотив

Указанья осадкам
Я могу раздавать:
Снег годится к упадкам,
Дождь обязан летать.
А когда непонятно,
Дождь иль снег с мокротой,
Пусть и падают кратно,
И летают дугой.
Полумёртвому саду
Глубоко всё равно,
Дождь поёт серенаду
Или снег пьёт вино.
Календарь двери отпер —
Выпьем и запоём.
В сад всем выписан ордер.
Там быть лучше живьём.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Георгий Иванов

Как будто сбрасывают доски
С высокого грузовика.
Или на мелкие полоски
Рвёт равнодушная рука
Вверху полотнище тугое,
Невидимые паруса —
Так о печали и покое
Непоправимое такое
Твердит нам дальняя гроза.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Георгий Иванов. Быть может,
Поэт он. Впрочем, да, поэт.
Сомнение, однако, гложет
На всех Георгиев предмет.
Победоносец – вот Георгий!
Пиши о нём стихи, поэт!
А не о тех, кто дальноркий,
кто супостатами согрет
и кто эстет-иноагент.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Карантин

Ноябрьским снегом, как пружина,

ещё зелёная трава
зажата в землю. Такова
одна из функций карантина.

Как будто капля парафина,
или собачья голова,
сползает по небу едва
луны поддельной половина.

Всё это так, посмертный бред...
И в нём, накинув капюшон,
курить выходишь на балкон,

и видишь – пьяница-сосед
случайной тени говорит,
что смерть нам только предстоит.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Балкон

Я умер и при этом пьяный,
но голова моя светла.
Жаль только... выгорел дотла
мой мозг из-за дурных компаний.

Собачьи головы и мётлы
то ли с луны сползают, то ль

на конских шкурах трут мозоль
(хоть пьян мозг мёртвый, но расчётлив)

Стою я на балконе ада,
соображая, где котёл,
не понимая, в чём прикол?

Но запах мерзостного смрада
мне подтверждает: не в раю.
Балкон над пропастью. Курю.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Куда расти? Туда, где лето,
Где солнца круг, срывая крюк
Уже ноябрьского рассвета,
Взлетает, как высокий звук.

А здесь закона и порядка
В любом табло одно число.
И разделилось без остатка
На всех ничейное тепло.

Верти фонарь над головою,
Подземный пролагая путь

Тому, кто хочет стать травой,
А раньше был мороз и ртуть!

ВЛАДИМИР БУЕВ

Расти большим на радость миру!
До ста и больше лет расти
Без старости. Не став пронырой,
Покров земли не подвести.

Тянуться из-под камня к небу,
Фонарь над головой пока.
Все по закону лягут скрепы
И по порядку на века.

Из недр земли – прорыв в вышины,
Мороз и ртуть – чудесный день.
Пускай невелики аршины.
Пока фонарь не набекрень.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Заставка

Спой мне песенку про то
Что нельзя не потерять
Я живу носить пальто

Ты живёшь не умирать

ВЛАДИМИР БУЕВ

Итог

А в итоге и пальто
Износилось в решето
Вот и голые помрут
Всех туда уволокуют

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Отказ

Вы поняли теперь,
Зачем не бьётся сердце с сердцем рядом?

Я туда не хочу,
Потому что там пахнет бензином.
Там горит каучук
И крошится белёсая глина.

Чтоб из пены земной
Как из пепла (докурена трубка)
Как бы сами собой
Получились два тёплых обрубка.

Без голов и без ног,
Безнадёжно пропахшие гарью
Усечённые впрок
Ну а всё-таки мирные твари.

Тёмных пальцев смола
Совмещённых в нелепом пожатии
Блещет, словно зола
В примитивном на вид аппарате.

Так лежать им весь век
На холодной и грязной подстилке,
Как подтаявший снег,
Поролон и пустые бутылки.

Им завидует Бог,
Посыпая морозной землёю...
Ну, теперь Вам вдомёк,
Почему Вы милы не со мною?

ВЛАДИМИР БУЕВ

Сверху вниз
Теперь понятно миру,
Зачем она так тянется ко мне, её кумиру?

Говорилось стократ,
Повторяться, однако, люблю я:
Из различных мы страт,
Но об этом ничуть не тоскую.

Ибо ты где-то там,
Где несносно воняет бензином.
Мне же чужд этот срам,
Да и глину крошить не по чину.

Ни сырой каучук,
Ни под чаном горящая сера
Не доставят мне мук,
Ведь не я той дышу атмосферой.

В том котле ни в золу
Обратиться, ни в пепел из трубки
Ни в густую смолу
Невозможно, как стать и обрубком.

Вот варёным куском
Натурального свежего мяса
Стать легко в чане том,
Как и всей остальной биомассой.

Мы из разных миров
И не сможем в одном оказаться.
Я мужик без грехов,
И не мне о твоих сокрушаться.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

В разлуке

Здесь справа поле, слева – дивный лес.
Нет проще и гуманней несвободы!
Для тех, других, я мёртв или исчез.
Солёный ветер, запах лебеды.

Но зреет хлеб, и конской масти столб
Родней, чем колос этой новой яви,
Которая то смолкнет, как погост,
То песенкой стрекоз себя объявит.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Кормёжка

Свобода – осознать необходимость
И неминуемость того, что заблудился.
Бал правит в соснах трёх неотвратимость:
Коль заблудился в них, то и спалился.

Фантом и виртуальность как реальность,
Химеры с миражами как тотальность.
И вдруг – о чудо! – птичка с бойкой мошкой:
В природе так устроена кормёжка.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Тяжело расставаться с городом-миром,
Покидая его лучом ли, тягучей тенью,
Пополняя шальные тыщи частиц эфира,
Неподвластного здешнему разумению.

Таково весеннее горе! Душа стремится,
Ну а сердце будет грустить в отъезде,
Сквозь автобуса грязные стёкла, чужие лица
Наблюдая хмуро дома предместья.

Они кончатся скоро, а дальше поле,
Всё электромагнитное, как на схеме,
После реки, озера, а вот и море...
Переходим, закрыв задачки, к новой теме.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Улетая в небесную даль богемой,
Я падежную форму «миром» смогу «эфиром»

В рифму складно сложить, намекнув на поэму,
Неподвластную мозгу здешних кумиров.

Такова моя мощь, она же душой зовётся.
Охватить смогу любые движенья.
Хоть порывы (чужой всегда споткнётся),
Хоть любые затишья, промедленья.

Я учитель, в руках у меня учебник.
Может каждый ребёнок и всякий взрослый,
Позабыв обо мне, свой открыть решебник.
...Я учитель и, значит, свыше всем вам подослан.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Весна, вновь ссыпаясь под колесо
(слышишь знакомый хруст?),
говорит по-китайски «всё холосо».
Иоанн-Златоуст,
февраль, замолчал. Не его порошок
падает на асфальт.
Всё съели, всё выпили – хорошо!
Я говорю, что сталь
здешнего неба будет расти,
падая, леденеть,

чтобы намокнуть на полпути
в чёрного марта твердь.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Поэт, если пишет о феврале,
хочет чернил достать.

А если их нет в его скромном узле,
клавиатурку сжать.

Рыдать или плакать на стол иль асфальт —
тут уж каков златоуст.

Сможет ли, как средневековый скальд

Спеть он навзрыд под хруст

проталин, под слякоть и грохот слёз?

Сможет – качества знак.

А если весна через «клик колёс»,
то он простой Пастернак.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Не печалься. Твои рецидивы
даже смерти, и той не смешны.

Сочетанье вины и мотива
создаёт ощущение страны.

Сочетанье любви и неволи
создаёт перемену картин.

Сладко свищет магнитное поле...

Не спеши, ты ещё не один.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Сочетанье того ли, сего ли
создаёт ощущение всего.

Коль живёшь ты в любви и неволе,
со страную почувствуй родство.

Коль вина и мотивы есть, снова
под собою почувствуй страну.

Коль в державе по новой хреново,
То пойдёшь не один ты ко дну.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Чёрный март

Это дождик случайный сказал нам быть,
Чтобы всё получилось, как и должно.

Ну а если кому здесь и не сносить
Головы, то марту. Ему темно.

Нам, напротив, тепло от таких вестей.

Утонувшее дерево не всплывёт.

В сердцеvine чёрных его ветвей

Беззаконная жизнь хорошо течёт.

(Я об этом узнал пару дней назад,
Возвращаясь ночью в ничейный дом,
Ковыляя по улицам наугад,
Вспоминая себя с трудом).

ВЛАДИМИР БУЕВ

Март – он тёмный и чёрный пред февралём.
Всё получится, друг, только меньше пей.
Погрохнет и станет слякоть нолём,
Ковыляй потом, как после люлей.
Если дождиком ливень ты обозвал
И забыл о грачах, очах и лужах,
Если грусть размочил и истрепал,
Ковыляние станет натужней.
Так до ночи и будешь слепцом брести,
А потом и всю ночь без луны впотьмах.
Отгрохнет февраль, чтобы март цвести
Целый месяц смог в его певцах.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Я плачú тебе той же монетой —
неразменным таким пятакoм,
что помечен моею пометой,
но расплющен чужим молотком.

Как наличие выдоха значим,
но как вдох неприметен, пока
тот, кто раньше других одурочен,
не признал своего пятака!

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Я не пёс, но монеты любые
помечать обожаю тайком
(пятаки особенно большие),
а потом на глазу голубом

расплатиться с тобой пятаками.
иль другому всучить как кредит.
Медь не пахнет, коль стала деньгами:
Цезарь Веспасиан подтвердит.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Блудный сын

Голос мой проседает под грузом страха.
Нам, таким певцам, не стоять на сцене —
Растворяться в мире, как тает сахар
В чашке чая. Как падает на колени

Неудачник, смешавший огни и воды,
Торопясь домой за своей наградой.
Мелкий дождик идёт. Ни души у входа —
Никому свободы его не надо.

ВЛАДИМИР БУЕВ

О непонятых гениях

Коль боишься, скорее влезай на сцену.
Не посмеет смелого гнать охрана,
Ибо противоядия феномену
И смотрения в рот опоздают в планах.
Неудачник объявится феноменом,
Лет чрез сто отыскав своё Эльдorado:
Там и вход, и дожди, и награды сеном,
Да и Нобель как символ лауреата.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Свет отрывается от огня,
Машет своим золотым плащом.
Не замечая в упор меня,
Всё повторяет «прощён, прощён!».

Это сворачивает такси

С улицы заспанной в старый двор.
Ты не поглядывай на часы,
Здесьнее время – вздор.

Если касанье твоей руки
Снова согреет мою ладонь,
Свету сбежавшему вопреки
Будет гореть огонь!

ВЛАДИМИР БУЕВ

Свет независимый, как и дым.
Пламя – тю-тю, отраженья – есть.
Так двойником своим цифровым
Я улетаю куда невесть.

Пусть ожидает меня такси.
Ты отдохни, подожди и ты
И не вопи, язык прикуси,
В дрожь не вгоняй листы.

Не истери, не неси пургу.
Дева, не разбивай семью.
Вместо себя я тебе могу
Тень предложить мою.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

В парке звёздного неба
полдень. Поэт уходит
по настоящему снегу.
Это его заводит.

Это такая осень
просто дарит подарки,
в небо бросая сосен
линии без помарки.

Он их увидит позже,
когда выйдет из парка,
когда скажет, что всё уже
и наклеена марка.

Все теперь на свободе.
Всем хорошо и правда.
Пой о своём заводе
песню нового барда!

ВЛАДИМИР БУЕВ

Странность одна заводит
В парке ночном поэта.
Ходит поэт и ходит,

Будто бы место метя.

В осень, а не зимою,
Не по весне, не летом.
В снежном, однако, слое
Осень влечёт эстета.

Творческий дух пылает,
Мается и страдает.
Что так творца заводит?
Это поэт не знает.

Вдруг озаренье входит
В голову (так бывает):
Снег мужика заводит —
Простынь напоминает.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Диалектика просвещения

Кто выпадает из гнезда попарно
Друг в друге деревянно укрепитя
Как если бы Хоркхаймер и Адорно
Или крыло да птица

Когда мы шли поверженной Москвою

Никто не падал, но чепцы взлетали
И солнце жгло, как будто золотое
Или часы на Киевском вокзале

Где человек с лицом оригинала
Но телом копии сказал с упрёком
Что мною совершённое так мало
Так блин жестоко

Што ж пишешь ты в одном и том же роде?
А я и сам в одном и том же роде.
И если говорить не о свободе,
То я – свободен.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Коль ум увлётся Франкфуртскою школой
В Москве не надо с ходу приземляться
Двум мудрецам не стоит по приколу
В империи рождаться

Самим вам лучше съехать втихомолку
Или придётся жить в провинции у моря
Шагая по Москве лишь кривотолкам
Дадите повод головы позоря

Лицо оригинала поначалу

Конечно в память врежется как жало
Пчелиное, осиное ль, но после —
Сушите вёсла.

И снова Франкфуртских философов потоки
Свобода – тут и Маркс, и старый Гегель.
Адорно и Хоркхаймер не жестоки —
Господь свидетель.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Из гостей

Грязный асфальт под ногой плывёт
И ни руля ему, ни ветрил
Я вот про Брежнева анекдот
Вспомнил, но, веришь ли, нет, забыл
В чём этой шутки старинной соль,
Как и другой золотой запас
Наспех рассыпанная судьбой
В землю, которая примет нас.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Подшофе

Только что помнил и вдруг забыл
Вот незадача: склероз рулит

Возраст мозга мои раздавил
С памятью – бешеный дефицит.
В детстве медведь наступает так
Больно на уши, чтоб петь не смог
Чтобы весь слух как ручей иссяк
Что бы ни вытворял педагог.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

В такси

На стенке написано нужное слово!
Но к стенке не ставят, а садят в машину.
Уже непослушное сердце готово,
Но мёртвой петлёю и скоком блошиным
Плетётся такси по окрестностям рая.
Я был далеко – я вернулся обратно.
Такая привычка – гореть не сгорая
И в бездны заглядывать аккуратно.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Пешком

Однажды заметил Высоцкий, что даже
В Париже строчат на наречии нашем:
Мол, стены местами исписаны словом,
То ль нужным, а то ли не годным, суровым.

Идти надо чётко, куда посылают.
А значит, не прямо, а ровно обратно.
Коль трудность маршрута тебя не пугает,
То в бездну глядеть можно не аккуратно.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

На мотив Г. Иванова

Лежащая на дне колодца
Аляповатая звезда
Не вырвется, и не взорвётся
Теперь уж точно – никогда.
На это маленькое горе
Плевать колодезным волнам —
Ведь и они не станут морем...
А, в сущности, плевать и нам.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Колодец и колокольня

Плюются все: и в хвост, и в гриву.
В колодец и вокруг себя.
И нет предела рецидиву:
Опять плевки кругом бомбят.
В колодец плюнул и довольный?
Так пусть тебя не возмутит,

Когда с высокой колокольни
Плевков «обратно» прилетит.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Лестница

Мы водку допили в подъезде,
Мы на пол присели, и вот
Сидим, осовевшие, вместе,
И небо сейчас упадёт.
Минута, другая. Накрыла
Горячего света волна.
И всё, что до этого было,
Не так хорошо, как она!

ВЛАДИМИР БУЕВ

Всё в жизни бывает в раз первый,
Потом в раз второй и ещё.
Коль в теле крутые резервы,
И в сотый не порабощён.
На тысяче первой бутылке
(коль водка вседневный продукт)
Волна световая в могилку
Сведёт даже стойких пьянчуг.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Луна

Так и бредёшь, в голове – ни рубля.
Вспомнишь о юности, думаешь – блин,
Дал, понимаете, кругая,
Да и вернулся в свой карантин.
Самое время родную луну
Видеть сквозь сетку нечаянных слёз.
Многое было у нас на кону,
Жалко, что мы проиграли всерьёз.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Точно по курсу идёшь, не свернув
Ни на одну из тропинок лесных.
Стоит присесть и, к стволу прикорнув,
Пару часов подремать запасных,
Сутки потом будешь волосы рвать,
Вдруг осознав про колючки у роз.
Жаждешь с подлуньем шутейно сыграть —
Сразу страдаешь – имеют всерьёз.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Полночь

Ласточка или дерево,
Перламутровый нож,
Приснись мне, хоть и не верю я,
Что этим меня спасёшь.
Скользя на путях касательных
Прошу, протяни мне нить!
Прости, что лишь в подражательных
Стихах могу попросить.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Перед сном

Слов однородных несколько:
Смысл – как лабиринт.
Нить Ариадны фресками
Грёзы не омрачит.
Коль подражать понравилось,
Что извиняться зря?
Мне вот трудов прибавилось:
Чиркаю втихаря.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

капля крови взятая натошак
по стеклу расплетается и поёт
машет крылом своего плаща
твоя молодость всё такое твоё

пой же пой! не бойся перелетать
из небес в такие же небеса
нам с тобой заплетаться и лепетать
вечно вечно! каждые полчаса

ВЛАДИМИР БУЕВ

я боюсь но приходится кровь сдавать
лишь анализы смогут меня познать
верный смогут путь врачам указать
как спасти меня (значит, мир спасти)

я боюсь но приходится кровь сдавать
ведь здоровье моё других ценней
чтобы вечно жить надо есть и спать
натошак с годами трудней, трудней

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Лежащий целый год
на травянистом дне

немногое поймёт
в столичной болтовне.
Лишь Яузы язык,
промытый до корней,
исчезнувший постиг
до высших степеней.

(Уйдя на карантин
смотреть, скрывая страх,
парад живых картин
во влажных небесах)

Весна, ему ответь,
огнём поговори,
классическую медь
по небу разотри.
Пускай плывёт закат
над грязною волной,
и падает каскад
салюта проливной.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Коль грешен твой язык,
его не надо рвать.
Издай звериный рык,

и в Яузе купать
язык скорей беги.
Ведь до корней промыв,
зачистишь все грешки.
И вновь будь говорлив.

(На карантине спать,
смотреть лишь в потолок,
туда же и плевать,
чтоб потолок намок).

Хоть с потолка потом
весна польёт дождём
(как с неба за окном),
и это разотрём.
Что Яуза! Пускай
струится далеко.
Язык свой не ругай,
отмыть его легко.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Горячая горечь твоих волос
Будущее в закрытых глазах
Я проснулся и поднял тост

За нашу ночь на чужих весах
Падали звёзды в грязный стакан.
Небо качнулось в четвёртый раз.
Здорово умирал закат.
Медленно, по квадратам гас.
Чтобы продлился твой лучший сон,
Мне до рассвета теперь не спать —
Взятый у полночи миллион
Злыми копейками отдавать

ВЛАДИМИР БУЕВ

Проснулся среди ночи однажды я
Рядышком ты лежала без сна
Улыбалась маня меня
Дала понять: весьма голодна.
Понял я всё и поднял стакан.
Тост до утра мой звучал всю ночь.
Знала, что парень твой гурман,
Так желанья свои отсрочь.
Пусть тебе снится твой лучший сон.
Спи уже, дева, не приставай.
Что же поделать, коль Купидон
Стрелку свою сломал невзначай

МИХАИЛ ГУНДАРИН

И эта вода, и та вода,
И каждая хочет своё обратно.
Я видел декабрьские города —
Они лежали, как будто пятна.

Так и бывает в иные дни,
Грязные, словно порожек лифта.
Быстро страницу переверни,
Переступи через эту рифму!

Видел, что видел, теперь забудь
Слово, мелькнувшее в разговоре
И отправляйся куда-нибудь —
Вверх или вниз, в ледяное море.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Я видел декабрьские города,
И больше я никаких не видел.
Я пятна вижу зимой иногда,
А летом – будто бы Бог обидел.

В рифму я точно умею бить:
Прочие пусть страницы листают;
Не забывая меня возносить,
В смыслах обоих меня почитают.

Мы на борту корабля сейчас?
Верь, не хотел толкать тебя в море.
Ход за тобой, говоришь? Атас!
Вспомни о Судии и прокуроре!

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Всем пора. Пустая «полторашка»
Ёжится в огне костра.
Это жизнь, серебряная фляжка,
Чёрная дыра.

Море нелюдимо-нелюбимо
Все ушли, чего тебе ещё?
Дорогое небо цвета дыма
Как замочек – щёлк!

С кем теперь отправится в походы
наше волшебство?
Эта жизнь, огни её и воды,
Были – для чего?

ВЛАДИМИР БУЕВ

Жизнь как фляжка. Выпита – в дорогу:

Золото искать пора.
Вызывает серебро изжогу,
И грызёт хандра.

Даже если на моей макушке
Тоже серебро,
Не нужны мне дряблые старушки,
Ибо бес в ребро.

Колдовства охота и походов,
Золота на прядях молодых.
Рёбра в воду юрк, не зная бродов —
...Сразу жизнь под дых.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

сумрак сумраку режет подмётки
мы всю ещё молодые
вот бутылку дешёвой водки
осушили и как живые

и глядим в окно электрички
как там ночь неужели мимо
а в карманах ключи и спички
мы придумали псевдонимы

пролетающим перелескам
и теперь всё пространство наше
вдруг поднимется занавеска
вдруг в окно кто-нибудь помашет

ВЛАДИМИР БУЕВ

напились мы и смотрим в окна
нас как в электричке шатает
лбами стучаемся о стёкла
то ль темнело а то ль светает

вот уж с другом по полю мчимся
вот и в небесах электричка
по одной ещё подкрепимся
пусть в карманах и нет налички

уж без транспорта ввысь явившись
бога видим он машет ручкой
мы за бороду ухватившись
...вдруг жена на пороге: взбучка

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Сонная моя рука

Скользит по твоей руке
Со скоростью катерка
На августовской реке.

Падающая звезда,
Ослабевшей пращей
Брошенная сюда,
Медленнее ещё.

Первые облака
Будут нежны, легки —
Утренние берега
Полуночной реки.

ВЛАДИМИР БУЕВ
Рука, облака, река —
Рифма везде звучит.
Чувства из катерка
Выдавить – дефицит.

Значит, опять звезда.
Значит, чего-нибудь.
Еле ползёт рука.
Хочется газануть.

Скромно сию и жду.

Чувство зову любви.
Рою словес руду,
Но все слова мертвы.

Где ты, романтика?
Мне извинительно.
...Ты ж руку франтика
Берёшь решительно.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Письмо

Двадцать девять коротких слов,
и ещё одно, сверх программы.
Слишком мало для книги снов,
слишком много для телеграммы.

Но достаточно для письма,
завершающего десяток
обещаньем свести с ума,
или просто сменить порядок

ожиданья даров простых,
предвкушенья большой награды...
Слишком частой для остальных,

слишком редкой для тех, кто рядом.

ВЛАДИМИР БУЕВ

В грёзах

Подсчитал слова, как педант.
Ровно тридцать. Изъять какое?
Слово каждое – что глава.
Слово каждое – ключевое.

Говорят: в телеграмме текст
слишком длинен – словцо сверх штата.
Безусловный во мне рефлекс:
сразу хочется крыть всех матом.

Так и сделал: дары понёс
всем, кто рядом и кто далече.
Слава Богу, всё утряслось:
сон прервался – не покалечен.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Чу – спутник пролетел!
Оседлая звезда,
ну что ты предпочла своей свободе?

Пастуший посох, пыльные стада,
да дудочку, да пять простых мелодий,
где первая «Пора на водопой»,
вторая – «Сбор командного состава»,
«Опасность – третья – будет славный бой!»,
Четвёртая – «Чужак, грядёт расправа».
И, наконец, томительная трель,
которая и манит, и тревожит —
«Я вижу цель! Вперёд, я вижу цель!»
А, в общем-то, все пять одно и то же.
А, в общем-то, и твой фатальный дрейф
индифферентен лишь до слов отказа —
а там посмотрим, феникс или блеф,
а там решим, возмездье или разум.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Свобода для звезды
возможна лишь со мной.
Я из богемы и
способен дать свободу.
Твой выбор мелок: хулиган тупой —
тюрьма душе и поклоненье сброду.
Там жарят спирт, но не стихи поют.
Там мат на мате матом полирует
(не трёх- – пятиэтажный неуют).
Там с дамой не флиртуют, а лютуют.

А в общем-то один и тот же чёрт:
что я, что кто другой – оно едино.
Познала ты число такое орд,
что все мужчины для тебя – овчина,
не стоящая выделки земной.
Но ведь и вас таких вокруг – что грязи.
Дрейфуй, блефуй, кажись себе звездой.
Мой возраст не таков, чтоб быть в экстазе.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Этак блесни и так
в пятом слове с конца,
многоугольный знак,
иероглиф Дворца.

Выпяти белый лист:
подтолкни изнутри.
Был он безмолвен, чист —
нынче поговорим.

Если захлопну том,
не исчезай во тьме,
бегай с гурьбой, гуртом,
но откликайся мне.

Буква моя, двойник!
Научилась душа
говорить напрямик,
отвечать не спеша.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Сесть я готов на трон
в зале тронном, как царь.
Выпил, впадая в сон,
не один я стопарь.

Чтоб престол Хуанди
негой согрел меня,
ты на колени пади
и полежи полдня.

Так покайфую я,
целый освоив том.
Из огня в полымя
я гарцую умом.

Кто ты в моих руках?
Дева иль книжица?
Буква-мираж в глазах?
...Пыжится ижица.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Книжку «Правила жизни в саванне»
как-то ночью, задумчив и пьян,
я листал в остывающей ванне
(помню, в частности, клич обезьян
«акакАчча-угИрру-игИрру»,
что-то вроде «вперёд, командир!»).
Я забыл ту чужую квартиру
как и прочую сотню квартир,
где для нас открываются краны
и по трубам течёт благодать...
Основное из правил саванны —
никогда в неё не попадать!

ВЛАДИМИР БУЕВ

Обожаю я нежиться в ванной
(где тьма тьмущая гурий живьём).
Да, я спутал нирвану с саванной,
как и райские кущи – с хламьём.
Обожаю я сонмище гурий,
но вокруг обезьяны кружат.
Организм от таких бескультурий
вместо рая отправится в ад.

Мало водки в желудке, похоже.
Смог же в сотне я прежних квартир!
Благодать жертвы требует тоже.
...Но сегодня я – чур! – дезертир.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Сердце

Чёрным и белым написано: «двадцать пять лет».
Что расстилается, то и под стать утюгу.
Нам было меньше, но мы уже знали секрет
И уцелели на самом февральском снегу.

Всё, что прошло мимо этих припудренных глаз,
было свободно остаться в зрачках ледяных.
Эта свобода и лечит, и мучает нас,
но не свободой, а сердцем узнаешь своих.

Оптику мутной зимы разобрал по зерну,
линзу исправив, приладив надёжный прицел,
заново видишь: совместную нашу вину
может судить только тот, кто заполнит пробел.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Круть на заборе! Написано несколько слов.

Что расстилается – вовсе не то же, что льстец.
Тайны познав, мы на снежный ступили покров.
Не перенёс бы собачьих морозов юнец.

Эти глаза о свободе молят и вопят:
те и другие, и третьи, чтоб сердце взорвать.
Что эти пудра и лёд с мужиками творят!
Будто на кол насадили меня умирать.

Зёрна посеяв зимой, собираю урожай
летом иль даже весною: прицел подберу.
Ниши, пробелы, лакуны и дыры пускай
манят иль даже манят перед сном детвору.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

проходя как рябь по воде
(вот именно: проходя
как весенний грипп), не у дел
оказываясь, дитя,
зачитай мне сводки простых обид
немудрённый кодекс нашей любви
посмотри наверх, сделай вид,
по горячему оборви

ВЛАДИМИР БУЕВ

весь список выкати зараз
своих обид-претензий,
публичным сделаем показ
белья и ждать рецензий
начинаем прямо с минуты сей,
вспомним, что бельё у нас есть грязней,
потому намного модней,
для людей ещё горячей.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Люблю октябрьские аллеи
С листвою мокрой под ногами!
В те дни, когда асфальт темнеет,
Твой рыжий плащ похож на пламя.
Я в сером, я сливаюсь с небом
На фоне опустевших улиц.
И кто из нас в том парке не был,
Да только многие ль вернулись?
И ты проходишь мимо, мимо
Под обветшалой кровлей года,
И купиной неопалимой
Трепещет нищая природа.
Твой след невидимый прекрасен.
Я тру замёрзшие запястья.

Лампаду в сумерках не гасят,
Хотя и это в нашей власти.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Ты дама яркая, как пламя,
Я серой мышкой подбираюсь
К тебе в надежде, что не к яме.
Хочу тебя, аж задыхаюсь.
Я предлагаю (как романтик)
По парку погулять под вечер
В лице твоём брезгливый смайлик:
Мол, что за нищий тут тинейджер!
Я говорю: щедра природа!
Ты нижнюю губу топыришь,
Другого требуешь подхода.
Кривишься вся и дебоширишь.
Руками шарю по карманам,
Но денег нет и на столовку,
Не говоря о ресторанах.
...На ночь надеяться неловко.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Романс

Мой ветренный друг, нынче в городе ветер —

не тот ли, ломавший сосульки вначале?
Впустив темноту, я надену свой свитер
и выйду проветриться в город печальный.
Как жаль, что на улицах пахнет апрелем,
что наша разлука всё радостней длится,
что старые стены так быстро сгорели,
а в новых, весенних, вдвоём не укрыться.
В нелепом стечении медленных судеб
не больше коварства, чем в зауми марта.
Сегодняшний праздник особенно скуден
на фоне цветной, словно кухонный фартук,
оставшей от всех целлулоидной стаи,
которая год как над городом кружит,
над чьим-то запястьем со свистом сплетая
и ветер печальный, и ветер снаружи.

ВЛАДИМИР БУЕВ

От тьмы и от мрака лишь шуба спасает.
От ветра и шума спасают бульвары.
Гулять по ночам мне ничто не мешает
(в апреле поедет не всяк на Канары).
Твой дом в эту зиму был съеден пожаром.
Мой тоже, но есть у меня запасная
квартирка (спасибо моим гонорарам),
пусть даже убогая и угловая.
Тебя не пушу, как бы ты ни просила.

Без шубы гуляй по бульварам в апреле
и в марте, и в мае, покуда есть силы,
мечтая о номере в тёплом отеле.
Я рад, что сегодня ты стала бездомной
и кружишь по городу в поисках пищи
(обычной, съедобной, совсем не духовной)
что целых два ветра по улицам свищут.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Бегущая строка моей любви
Над городом, над гаванью пустой!
Единственное имя назови,
Блесни своей подвижной наготой.

А мы меняем молодость на жизнь
По курсу двадцать восемь к одному,
И нам не интересны миражи,
Коллеблющие праздничную тьму.

Там вместо звёзд – раскрашенная твердь,
Там не луна, а дуло у виска.
Но зыблется, не может догореть,
Бежит неопалимая строка.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Строка с утра сбежала от меня.
В раздумьях: как теперь её поймать,
Чтоб в лыко вставить до исхода дня,
Ведь ночью снова рухну спать в кровать.

А ближе к ночи новая строка
Сбежала, не смущаясь наготы.
До самого последнего листка
Хотел отдать лиризму темноты.

А вот и ночь, рисую звёзды я.
Потом люблюсь ими на стекле.
От новых строчек снова нет житья.
Бегут, бегут, как струи в санузле.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

«До утра», конечно, значит «насовсем»,
Но копеечная порция тепла
На щеках твоих белеет, словно крем –
Значит, снова мы сгораем не дотла.
Значит, будет кого завтра провожать,
Пропускать сквозь оловянное кольцо
Вдоль ворот чужого неба, и опять

Оставаться (хуже некуда) чтецом
(Твоих мыслей о высоких этажах),
Декламатором (боишься их сама).
Мне знаком и этот дом, и этот страх,
Полусвета ледяная болтовня
Всё, что нужно, умещается в одном
Поцелуе на балконе без перил,
Смертно-сером, как бумага унибром,
Безнадёжном, кто бы что ни говорил.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Что к чему? Зачем сюда пришёл, олень?
Намекаешь, чтобы я тут насовсем
Жить остался. Но ведь завтра будет день,
А тебе я быстро за́ ночь надоем.
Лучше вот возьми копеек сто опять,
Как вчера брала и как позавчера.
Эти ночи мы с тобою повторять
Год весь можем, мы ведь мастера.
Целый год стихи читать могу навзрыд.
С января и по декабрь... Но насовсем?
Ты совсем забыла, к сожаленью, стыд!
Есть в конце концов и мой родной Эдем!
Так скорей давай романтику творить!
На балконе поначалу, а затем
В небеса тебя пора поторопить:

Компромат творцу женатому зачем?

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Радугой на крыльях стрекозиных
карандаш выносится за скобки,
в мусорную падает корзину
из расформированной коробки.
Удивишь ли бледною чертою,
проведённой по простой бумаге,
тех, кто заправляет пустотою
и меж звёзд развешивает флаги?
Не для нас придумана забава —
живопись по движущейся ткани,
не для нас весёлая отравка
плещется в полуденном стакане!

ВЛАДИМИР БУЕВ

Долго жить не грех и не повинность.
От любви пусть травятся другие.
Пусть отвергли – экая рутинность!
Яд пусть слабаки пьют и дурные.
Лучше я развешаю штандарты
Среди звёзд. Тебя возьмут завидки.
Девушка, теперь меня не парьте!

У меня другие фаворитки.
Нынче я других живописую,
В мусорную ты ступай корзину.
Проиграла ты игру всухую,
Так танцуй на крыльях стрекозиных.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Предновогодняя уборка

Пахнет лимоном и Comet'ом,
Comet'ом – веселей.

Мир за порогом комнаты
Мёртв, но ты не жалей.

Нам остаются главные
Из дорогих даров —
Правильные и плавные
Линии холодов,
Что разожмут зажатое,
Скомканное огнём.
Скоро будет тридцатое,
Мы хорошо уснём.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Уборка года

Жду я, как манну небесную

День, чтоб раз в год убрать
Грязь эту повсеместную
Дома, потом – в кровать.
Выспаться классно белым днём,
Чтобы под Новый год
В нашем с тобой жильё вдвоём
В лёгкие кислород
Втягивать с зимней свежестью.
Завтра январь встречай.
...Снова за год из вредности
Дом превратим в сарай.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Баллада отъезда

Вспомнишь ли дом свой, полынь-недотрога,
на острие потускневшей отчизны?
Это не боль, если это от Бога,
это, в залог ускользающей жизни,
то, чем кончается детское слово...
Геометрический морок свободы
лепит стезю и готовит оковы
лёгкой руки, незаёмной породы.
Вот и топорщится мокрой шинелью
хмурое небо, чужое пространство.

В каждом подъезде и каждой постели
гаснут следы твоего самозванства.
Полно, звезда тополиного пуха!
Совестно плакать в преддверии рая!
Там, далеко, есть Страна Пернамбуку,
Море Ао и Гора Гималаи.
Там ли нам встретиться после разлуки?
Там ли припомнить, как скулы сводило,
как опускались холодные руки?
Я всё забыл, да и ты всё забыла.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Так постарели, что даже забыли
близкую сердцу Страну Пернамбуку.
Море Ао из мозгов удалили,
По Гималаям не чувствуем муку.
Это склероз, надо честно признаться,
и не бояться стезей обновлённых,
новых аллюзий и новых локаций,
свежих иллюзий, полынью рождённых.
Мне повезло не покрыться шинелью.
Армия – место не для патриотов.
Патриотизм – это небо с постелью.
Служба армейская – для идиотов.
Вспомним же, дева, как вместе рыдали,
овладевая заёмным пространством.

Не самозванцы – себя ублажали.
Глупую вспомним мечту постоянства.
На острие потускневшей отчизны
(в месте глухом, на жилплощади съёмной)
мы, как в раю, кайфовали при жизни.
...Я вот вдруг вспомнил. И ты давай вспомни.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Воспоминания о пионерском озере

Вдоль пыльных предместий
Сквозь чахлые рощи
Идущие вместе
Туда где всё проще

Ты как сигарета
Во рту водоёма
Короткое лето
В квартале от дома

Горячее пиво
Азотная влага
Здесь вместо прилива
И архипелага

Задор хулигана
Бесстрашье пьянчуги
С осколком стакана
Мы тоже на Юге

Такие же страсти
И кровь на кастете
Такие же масти
На рваной газете

Объятыя под сенью
Травы низкорослой
И жизнь к воскресенью
Покажется взрослой

Дорога обратно
Там те же и то же
Лишь новые пятна
Алеют на коже

Все смято и спето
Не выдаст секрета
Печальное это,
Прощальное лето

ВЛАДИМИР БУЕВ

На юге пьянчуги
Других не бывает
Сбежали от вьюги
И нас накрывает

Дурман алкогольный
Сейчас закурить бы
Дым струйкой фривольно
Рванул чтобы нитью

Чтоб в рожу кастетом
Кому-то вломили
По нраву эстетам
Не их чтобы били

Чтоб били эстетов
Других хулиганы
Они не поэты
Они графоманы

А мы – гениальны
В стихах и по жизни
Пройдём триумфально
За это и вспырснем

Обнимемся с волей

И с травами вволю
Костяшки в мозолях
Ура алкоголю

Не наши костяшки
И то слава богу
Припали к бумажкам
И пишем помногу

Про лето. Про зиму
Вчера мы писали
Намажемся гримом
Ведь мы не зассали

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Пушкарёв почти что поседел
как узнал, что девица-душа
не спросясь сгоняла под обстрел
и домой вернулась не спеша.

Он сидит за кухонным столом,
лёд на сердце, голова в огне.
В мыслях то сиянье, то облом,
а душа мурлычет в стороне:

«Если этой ночью звездопад
просвистел на уровне виска,
значит, ты ни в чём не виноват
или чья-то дрогнула рука».

ВЛАДИМИР БУЕВ

Сон приснился страшный, и душа
в пятки забралась у крепыша.
Выстрел гулко в грёзах прозвучал.
Впрочем, вряд ли в душу кто стрелял.

Если всё же это выстрел был
холостой, то душу он взбодрил!
Попугал и в душу наплевал —
Лучше повалил бы наповал.

– Пушкарёв, проснись, дружок! Ты что ж
на округу всю вопишь, дикарь?
Ночь давно прошла, а ты орёшь!
– Ночь в меня звездой стреляла, тварь.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Русская песня

Пушистый снег под фонарём вращается,
А жизнь как жизнь, она не прекращается

От снов, тяжёлой солью припорошенных,
От топота в сенях гостей непрошенных.

О чём тут говорить, когда всё сказано!
Мы жили вместе, прожили по-разному.

Оставь свои пустые обещания,
Осталось время только для прощания,

Да для снежинок, в воздухе ликующих,
Да для последних слов, для слов взыскующих.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Глубоких чувств и мыслей выдать хочется.
Фонарь и снег – фантазий бурных вольница.

Слова и фразы примут презентабельный
Объёмный вид во сне, но не рентабельный,

Когда размежишь веки, ночью взмокшие,
И туловище в явь втолкнёшь затёкшее.

Когда весь день и год позывы плакаться,

Хоть расставаясь, хоть встречаясь с матрицей.

Пушистый снег, фонарь, аптека, улица —
То ль песня на Руси, то ль Блок сутулится.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Бескорыстные, бескостные
Дни моей простецкой страсти.
Мы с тобой вдвоём на острове,
А над островом ненастье.
Промокает наша хижина,
Попугай кричит сердито
О газоне неподстриженном,
О спокойствии забытом.
В бурной мгле не видно паруса,
Ни следа его, ни тени...
Сэкономил – так не жалуйся
На своё приобретение.
(Это в скобках, разумеется,
А на деле мы готовы,
Если всё опять изменится
В сотый раз начать по новой).

ВЛАДИМИР БУЕВ

Робинзоном я представился
И на острове укрылся.
Прямо к хижине направился,
Над которой дым клубился.
Дождик шёл, я думал, Пятница
В виде девы обогреет.
Но живёт в халупе старица:
Свет не видывал страшнее.
За жильё предполагается
Приносить хозяйке плату,
Бартер тоже разрешается,
Потому не до бравады.
Море целый год свирепое.
Судна в дымке бирюзовой
Нет и нет. Старушка требует
В сотый раз начать по новой.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Папиросы

Весь день шатался по проспектам,
Курил, зануда, папиросы,
Глазел, бездельник, на витрины,
Весь день я думал о тебе.
Жара и в городе, и в мире,
На всех часах +28,

Раскалены все телефоны,
И вот – кончается «Казбек».
И вот – картонные ворота
Под вечер выцветшего неба
Уже захлопнуты. И снова
Мы эту книгу не прочли.
И никуда не улетели,
Нигде не встретились – но где бы
Нам было встретиться на этой
Полоске выжженной земли?

ВЛАДИМИР БУЕВ

Полоска

Не для безделья в город вышел,
А чтобы в нём полоску выжечь.
И потому я зажигалку
И папиросы взял с собой.
Работа трудная, лихая:
Не бей лежачего, однако.
За день возможно умориться.
Но мне ль искать простых путей!
Отважный я, не убоюсь
Жары такой, что пот потоком.
В Сахаре – и того прохладней.
Айфон, как печка, жжёт ладонь.
Полоску выжег – получилось.

Теперь свободная тропинка.
Гулять вдвоём по ней мы можем.
Ты почему-то не пришла.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

тает снег на серебряном блюде
расплетая своё серебро
так бывает при сильной простуде
или если швырнуть на ребро
ледяную от счастья монету —
закружусь ли ничком упаду
заклиная любовь и победу
ускользая по новому льду

ВЛАДИМИР БУЕВ

что за жизнь ну совсем не малина
то швырнут на ребро то пырнут
то гриппую а то и ангина
жить спокойно творцу не дают
а вот давеча я поскользнулся
и ко льду нос и лоб приложил
ларь Пандоры в тот миг распахнулся
...кто-то под ноги лёд подложил

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Белый медведь твоего окна
Лапой закроет разбитый нос
Через полгода придёт весна
Но разумеется не всерьёз
Так бы нам петь да и петь скользя
По ускользящей в свой черёд
Маковке кованого гвоздя
Вбитого в шёлковый переплёт
Где за ударом опять удар
А безударные не в цене
Как и любой дорогой товар
На сохраненье отданный мне

ВЛАДИМИР БУЕВ

В окна смотрю я твои: медведь!
Мама родная! Тебя задрал!
Слово даю, что не буду впредь
Зверя дарить. Я завязал.
Спросишь, не стану дарить кому?
Впрочем, не спросишь меня теперь.
Края нет горя моему.
Солнце моё, ты мне поверь.
Хоть не задашь уже вопрос.

Честно отвечу тебе и всем.
Быстрый ответ. Почти с колёс.
Врать не способен я совсем.
Вот отвечаю: дарить зверей
Хищных тебе не стану я.
К пассивам остальным добрей
Станет теперь душа моя.
Лучше не звери, а бокс мужской,
Где за ударом опять удар.
Души усопших упокой.
Пассии – портящийся товар.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Железнодорожный романс

Столбики сусликов, степь постепенная,
позднее детство в божбе и тоске...
Кто это смотрит, такая надменная,
В тонком колечке на левой руке?

Жизнь это, знаешь ли. Просто – без имени,
калий цианистый и забытьё
равно подходят... Смешно? Не брани меня —
так я впервые увидел её.

Только в запретном мерцает желанное,

только чужое достойно тоски.
Вот и потеряно самое главное:
просто колечко с холодной руки.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Мечты и грёзы

Детство печально: игрушки чугунные,
ночью уснуть не дают грызуны.
В снах только девичьи станы подлунные
в окнах туманных, и то со спины.

Что эти станы, коль кольца из золота
блещут на пальцах у барышень всех!
Слюнки глотаю, как будто от голода.
Хочется этих, но также и тех!

То, что запретно, хоть в грёзах попробую.
(Яблок я, впрочем, сейчас не ловец).
Девы, ко мне вместе с высшею пробую!
Ужас! Проснулся! Ни дев, ни колец.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Бессонница

Не уснуть сегодня. Многошумный
мир идёт на дно.

Кто в ночном эфире пляшет,
как безумный?

Спать пора давно.

Я сегодня болен избыточной
жизнью этих стен.

Что сказать навстречу звёздной пыли,
что спросить взамен?

Черпай, черпай полными горстями
этот сладкий сон,
забивай железными гвоздями
чёрный телефон.

Забывай иголку в тёмном стоге,
вспоминай о ней,
как она уходит по дороге,
становясь видней.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Ночь мне Апокалипсис пророчит:
шумно, хоть убей.

Не идти навстречу этой
бурной ночи —
спеть навстречу ей.

Также ей навстречу помолиться,
Ей навстречу выпить и поесть.

Ей навстречу взять и вдрызг напиться.
Ей навстречу на диван присесть.
Ей навстречу я скажу о многом.
Ей навстречу многое спрошу.
Вдруг сообразит, что с педагогом
стоит повстречаться глупышу.
Звёздам я тогда взлечу навстречу
Или побегу в ночную синь.
Если поучусь, не покалечит
мой язык – язык родных осин.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

горек мартовский снег
и горчит портвейн
утонувшее дерево не всплывёт
в сердцевине чёрных его ветвей
запрещённая жизнь хорошо идёт
(я об этом узнал пару дней назад
возвращаясь ночью в ничейный дом
ковыляя по улицам наугад
вспоминая себя с трудом)

ВЛАДИМИР БУЕВ

показалось, что снег —

и засунул в рот.

но опасность отсутствует – это мел
это ж надо нажраться так будто кот
впрочем кот в этом случае не у дел
(я об этом и раньше слышал от тех
кто как живность домашняя вдрызг пивал
на утеху себе впадая в грех
а потом по традиции ковылял).

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Осень под знаком «Орландины»,
Игры в дурака, лимонных корок.
Предчувствие войны и ангины,
Башмак прохудился и поднят ворот.
Всё обошлось. Изменились лица.
На новых ботинках – новая кожа...
Известно, что молодость повторится:
Разметит, вычислит, подытожит.

ВЛАДИМИР БУЕВ

То Люцифер, то Орландина.
Глаза окосели, ног не чую.
Осенняя слякоть – вот вражина!
Монеты потратил все подчистую.

Не в чем ходить на работу нынче.
Босой – и в обуви новой нуждаюсь.
Старик – и поэтому стал я гибче:
Как сделал дело, уже не каюсь.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Дактилически длиться / ямбически биться о
Повсеместное небо, рёбра его и грани,
Во Времена Империй было Большой Игрой,
А сегодня я просто иду в ларёк без названия,
Чтобы взять там бутылку белого, как снега
Той далёкой зимы, плюс золотые шпроты.
Это Солнце Атлантики, мёртвые берега,
Передышка во время Большой Работы!

ВЛАДИМИР БУЕВ

Амфибрахий, хорей и анапест таят тоску,
Что имперское небо было для них закрыто.
Дактиль и ямб истерик ждали, а их к ларьку
Я сегодня отправил в отместку как фаворитов
Тех далёких времён, что растворились в прошлом.
Эта двойка теперь под латвийские шпроты
Пусть станцует изысканно, красиво, не пошло:
Исчерпалась на небо у пары квота.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Нелегко уходил – тяжелей вернулся.
Остальное – не повод для разговора.
Облака разбегаются в ритме пульса,
как хорошие люди от прокурора.
Можно стать таксистом, пойти в охрану,
повезёт раскрутиться – открыть «качалку»
Или просто видеть с большого крана
каждый день слева мэрию, справа свалку.
Уходил/увидел: одно и то же.
Даже звёзды в небе и те под током.
Он идёт по проволоке и коже
от моей вины до страны далёкой.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Такая сильная любовь
Облака разбегаются в ритме пульса —
позабыли кудрявые ритмы вальса.
Был я юным и гордым, но нынче сдулся.
На коленях приполз к тебе седовласым.
Коль не примешь обратно, то прокурору
я пожалуйсь. Он устроит взбучку.

Иль товарищу из ФСБ майору
пошепчу – он устроит тебе трясучку.
А не то напущу на тебя министра.
Озадачена? Хочешь спросить какого?
Государственных дел специалиста.
Сразу всех. Коль не выйдет, тогда любого.
Даже звёзды в небе – и те под током.
Это я за колючку их смог отправить.
Пусть побудут в неволе – тебе уроком
это станет. Люблю. К чему лукавить.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

В рукав рок-н-ролла больной головой вперёд
засунута наша полночь, последняя на Земле.
Плётка затерта к чёрту, кто её оборвёт —
тому и крутить восьмёрки по бескрайней петле.
Молодость – это один на троих стакан,
меркнувшие осколки мелкой оптики дня,
беспечное небо, пошедшее по рукам,
право не быть сильней, обязанность обвинять.

ВЛАДИМИР БУЕВ

На голову болен. Собрался уж помирать.
Последнюю ночь желаю напиться душой сполна.

Дьявол с какой-то плёнкой лезет напоминать
об аде: в руках петля. На то он и Сатана.
Старый я дядька. Исчерпан и мой ресурс.
Выпивка и закуска память в юность вернут.
И вот я огурчик, шаг чётко и верен курс
И не дождётесь вы, когда меня понесут!

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Ледяного озера ядро,
Завиток скалистого узора,
Сверху различимо как zero —
Ерунда для бдительного взора.
Если рухнуть рядом, как сосна,
То к нулю прибавишь единицу,
Вздорной арифметикой сполна
Напугав и ангела, и птицу.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Я всегда витаю по верхам.
Впрочем, нет, скачу, а не витаю.
С высоты (с грехом напополам)
По утрам окрестность озираю.
Выслежу прелестницу с небес
Зорким взором, хищный беркут словно,

И без лишних ласковых словес
Делаю добычей хладнокровно.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

нелегко оставаться
одному в этом мире
где 12x9
или 3x4
но зато невозможно
одному не остаться
там где 10x10
или 30x20

ВЛАДИМИР БУЕВ

если в паспорте фото,
всяк возьмёт и заглянет:
то заляпает снимок
то его подрумянит
коль портрет свой закажешь
и повесишь в гостиной
сможешь сам любоваться
ты осанкой орлиной

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Новогоднее

Мне этот оливье —
вообще чужое блюдо.
И всё ж привет семье,
невидимой отсюда.
Ещё или уже
они в 80-х
на верхнем этаже...
...В-четвертых или пятых,
не трогайте меня!
Себе оставьте сдачу!
Я сам остаток дня,
я сам себя потрачу.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Коль чуждо оливье,
ешь рыбу заливную.
Ты в явном меньшинстве.
Возьми семью любую,
увидишь, все едят
не только щи и репу:
под Новый год хотят
ещё чего-то к хлебу.
Бриоши и в Москве
на сдачу покупают.

...Покушай оливье —
от голода спасает.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Высоких этажей усталые огни
Как россыпь мелких бус не подлежат обмену
На деньги и вино, но именно они
Удачнее всего подсвечивают сцену,
Где пьяная Москва, вдыхая креозот
Безумного бомжа на грязной остановке,
То чиркнет коготком, то бодро нас лизнёт
Шершавым языком обшарпанной Покровки.
Грядущих катастроф дождливая тоска,
Провинции в огне, Калининский в тумане.
Бреду сквозь эту ночь, кончается доска,
Шажок – и я уже в заплатанном кармане
Единственной страны, на дружеском пиру
Всех павших и живых, том самом, знаменитом,
Где Неизвестный Дух нисходит на икру,
На сигареты Kent и солнце сверх лимита.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Стою на сцене я, красавец хоть куда.
Слепят мои глаза лучи любви софитов.

Теперь я на коне, сегодня я звезда
Внушительных размеров (крупных габаритов).
Москва у ног моих распластанной лежит.
Мизинца моего и то она не стоит.
Никто другой Москву, как я не покорит,
Хотя, как Долгорукий, может вновь построить.
И без софитов я собою озарю
Любые уголки ночных дорог московских.
Ни одному не смочь такое фонарю,
Хоть хочется им всем, уверен я, чертовски.
Я дух теперь. Парю над всеми сверху я.
И вот уже не дух – пророк, кто жжёт глаголом.
...Пусть и штаны задрав и громко вопия,
Я прежде бегал за советским комсомолом.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Тёмных дворов – ледяных пучин —
мёртвые голоса.
Выключи свет, растворись в ночи:
просто закрой глаза.
Каждому времени свой топор,
свой разбитый стакан.
Это они ведут разговор
все ночные века.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Хор мертвецов на погосте пел
песню, как вечна ночь.

Надо заканчивать беспредел:
прячу топор и прочь
пулей несусь, чтоб налить в стакан
то, что вернёт покой.

Эх, не удался с утра роман —
ночью теперь бухой.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Лермонтов

сквозь тёмный лес тугих пружин
как яростно сияют эти
бессмысленные чертежи
слова на пыльном эполете
(...неправильные падежи,
зазря закинутые сети...)

ВЛАДИМИР БУЕВ

вот не умел пацан писать
стихов хороших в позапрошлом
достойном веке, излагать
он мог бы лучше мысли. Пошло

в погонах на плечах блистать
коль в ямбах-дактилях не дошлый.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Сумерки

Густеет свет, пустеет дом.
Преображённое пространство
Ещё печальнее, чем днём.
Но тем дороже постоянство
Сухих ветров и проливных,
Провинциальных разговоров.
Чем меньше места для двоих,
Тем тише речь и резче шорох.
Все жёстче и темнее цепь
Необходимого общенья.
Ты скажешь: «Тем достойней цель!»,
Но это в первом приближенье.
Быть первым здесь? Напрасный труд.
Лишь в сумерках возможно это.
Ты скажешь «Нас нигде не ждут».
Но разве я просил совета?

ВЛАДИМИР БУЕВ

Духовные скрепы

Уж очень странен этот дом,
Ведь дом любой наполнен к ночи.
Хоть на машинах, хоть пешком
Идут жильцы домой, короче.
А этот дом, как только свет
Густеть под вечер начинает,
Пустеет. Из плохих примет:
Как будто кладбищем воняет.
И правда: разговоров гул,
Но никого живьём не видно.
Вот призрак мимо прошмыгнул.
Да это ж ты, моя ехидна!
Все жёстче и темнее цепь
Необходимого общенья.
...Я где? Ужели это склеп
И скреп духовных завершеньё?

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Так умирает свеча.
В городе пахнет дождём
Ночь моего плеча
Коснулась своим плечом.

Я уступил ей путь
И отступил назад
(Так теряется суть)
Кончился листопад.

Праздник мёртвых свечей!
В сумерках город тих.
О, я не знаю, чем
Ночь эта слаще других!

ВЛАДИМИР БУЕВ

Ту, кто касается плеч,
Я рассмотреть не могу.
Ночь может нас увлечь,
Но мало ли: вдруг сбегу.

Шансы равны у ней
(Ночи или кого?).
Суть уплыла. Эгей!
Где же ты, существо?

Ночь на язык сладка.
Может, таки не ночь?
За́ ночь смогла рука
Воду в ступе столочь.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Океан что берёза – зазря шумит,
Ни бананов, ни яблок – одни обиды,
Да сомнительных символов алфавит
За пределами честного алфавита.

Можно сетовать на неуклюжесть фраз,
Вавилонскую башню искать в пучине,
Но покуда он развлекает нас
Эту драм-машину никто не чинит.

В долгосрочной засаде таится речь,
Но однажды покажет свой стиль и норов —
Если нужно и вправду на дно увлечь,
Заклинанья полезнее уговоров.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Коли тонешь сам, захвати других.
Обхвати руками чужую шею.
Заклинанья – глупость людей таких,
Кто с утра до забора роет траншею.

Наконец открыт вековой секрет:
Вавилонской башни причина крушенья —

То ль в болоте построить издали декрет,
То ли в бездне морской по рацпредложению.

Хитромудра мысль – трёхэтажна речь:
Не поймёшь, где стиль, а где жанр фольклорный.
Но покуда рифм можно пуд напечь,
Драм-машина работает плодотворно.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Уже обозначается сезон
стеклом растительным, упрёком несерьёзным,
желанием подвинуть горизонт
к реке, кипящей дымом паровозным.
А мы стоим в раскрашенных полях —
скорее пешки, нежели комбайны,
а под ногами плоская земля,
лишившаяся памяти и тайны.
Я так хочу, чтоб третий кто-нибудь
нас вывел под испачканные тучи,
текущие, как вспененная ртуть,
над бедной головой ручьём горючим.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Привык я утром двигать горизонт

подальше от окна, чтоб не достать рукою.

В квартире у меня евроремонт,
поэтому хочу, чтоб стороною
любые воды или дым с огнём,
который от воды сырой исходит,
прошли иным проторенным путём.

С ума меня такие мысли сводят.

Схожу я в поле, чтобы окоём

Ещё подальше от греха задвинуть.

Я пешкой буду. Коли мы вдвоём,

Комбайном станешь. Третий в ртути сгинет.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

хорошо и на этой траве
хорошо и под этой травой
у потёртой судьбы в рукаве
спи спи спи не верти головой
если выкрутить винт ноября
из основы хороших вещей
можно выжить и не говоря
никого не касаясь совсем
стать темней самой темноты
ярче сна горячей огня
(разговоры его просты

он идёт увидеть меня)

ВЛАДИМИР БУЕВ

я заснул и мне так хорошо
что могу проскользнуть под траву
я бываю во сне малышом
и бабайку порой зазову
сам в бабайку затем превращусь
и ноябрь в декабрь превращу
а уж если совсем увлекусь
то и винт в декабре отыщу
после этого стать темнотой
проще пареной репы мальцу
...жаль что в грёзах случается сбой
когда утро в лицо бьёт творцу

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Закат

На небе было всё иначе.
В толпе, печальной и пустой,
Лишь тот сумел понять, что значит
Смещение сомкнутых пластов,

Кто наблюдал без раздраженья,

Не как копеечный Нарцисс
Неправильное отраженье,
Но равнодушно, сверху вниз.

Движение было неприметным.
Дымилась тёплая купель,
И смятой пачкой сигаретной
День падал в пасмурную щель.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Смотреть с небес на землю просто,
Коль не простой ты человек.
Коль вышел ты не из компоста
И выбрал верный саундтрек.

С небес любая щель приметна.
И пасмурной не улизнуть.
Хозяйка думает: секретна.
Нет, чтоб на небо ей взглянуть!

Идёт Нарцисс. Отстань от дамы!
Мне сверху видно, так и знай!
Я был таким же, но не хамом.
... Чьё отраженье? Отгадай.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Здесь популярен особый спорт —
Танцы у ресторана.
Вот он и я: не последний сорт,
Но не герой романа.

(И ухожу, не доев свой торт,
Не докурив кальяна).

Зря ты клянёшься восьмым числом —
В небе закат седьмого!
Осень лежит под моим столом,
Выдуманная, как слово.

Дальше фонарь, а за ним отъезд
В завтрашнее похмелье.
Кто там хотел перемены мест?
Кажется, все хотели.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Хочешь открою секрет, чувак?
Сортность бывает разной:
Третий – и этот сорт не брак.
Мука твоя напрасна.

(Если фантазию напряг,
Скрыть можно сортность классно).

Первая свежесть бывает, знай,
Только у осетрины.
Не напрягайся, благоухай
Третьей, крутой мужчина.

...Дальше аптека, а не фонарь
(Пусть и на улице оба).
Пятый ведь сорт – бенефициар
Этих аптек до гроба.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Всё закончится новым побегом.
Но не сам ли ты мне говорил,
Что зимою теплее под снегом,
А весною – в одной из могил?
Допустимые вольности слога!
Юность знает, где лучше упасть,
Чтоб с грядущего спрашивать строго,
Как с партнёра – козырную масть.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Бить опять меня бедного будешь?
Убегать от тебя я устал.
Снова к бегу сегодня понудишь,
Но догонишь, поставишь фингал.
Ты бубновый король или крести.
Я (в мечтах) скоро стану тузом
Или джокером. В тёмном подъезде
В гроб уложим тебя вшестером.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Мы рощу увидели в первый раз
Вдоль речки разложенной, как салат,
как будто сквозь сон, услышав приказ,
она опрокинулась наугад

вот с этой скалы, где теперь стоит
ободранный куст, запылённый лист.
Его, без сомнения, посетит
дезориентированный турист.

А мы у реки развели с трудом
негромкий огонь, дорогой костёр,
слегка обогрелись и вот ведём
с ночными деревьями разговор.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Коль рощу опрокинутой узрел
в речную гладь, пугаться смысла нет.
Не рухнул мир, и ты не заболел.
Всего лишь отражения эффект.

Сиди себе под ней и пой, и пей,
с деревьями общение затей,
на страх и отражения забей.
Но обдирать кусты, чувак, не смей!

Приказ? Да, это был такой приказ!
Не роще, а тебе, чувак бухой!
Ты тут один и от твоих проказ
Природа пострадала не впервой.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Полночь ходит долгими кругами,
Тёмными, невидимыми нам,
Розовым вином и пирогами
Потчующим сонный Инстаграм.

Веселы в Москве крамольной зимы,

Горячи, румяны пироги.
Кажется, что мы неуязвимы...

Но уже сужаются круги.

ВЛАДИМИР БУЕВ

То ли сплю, а то ли в Инстаграме
Ночью засиделся я с вином.
Я в столичном душном фимиаме
Понимаю что-либо с трудом.

Пирогов поесть хотел – не дали
(А вина я сам себе налил).
Пироги в Москве жадюги жрали.

...Я же в грёзах мимо проходил.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Кто-то главный перемолол
свет и тьму в таинственный алфавит.
Я собрал со страниц эту смесь, прочёл,
и узнал, что нам предстоит
наливаться влагой, как санный след,
погибать под ногами бегущих из

обречённого города.

Сотню лет

выходить во сне на карниз!

ВЛАДИМИР БУЕВ

На заборах прежде читал,

А теперь выживаю из книг.

Получаю оттуда сейчас сигнал:

На карниз, мол, ступай, старик;

Раз поэт, значит, место там тебе.

На карнизах не видел поэтов я.

Лишь больной покорится такой судьбе.

Средь поэтов нет дурачья.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Мысленно сойдя с карусели,

Чуствуем: земля-то поката.

Метров сто прошли и присели,

Дальше нет нам хода, ребята.

Может, это ночь под ногами?

Мы там были, нынче в отъезде.

Затупившимися топорами

В лопухах ржавеют созвездья.

Мир да упокоится в этой

Чёрно-белой точке смещения
От неутомимого света
К полной остановке вращения!

ВЛАДИМИР БУЕВ

Апокалипсис приключился:
Покатались на карусели,
Тут, однако, день завершился,
И мы поняли: нас нагрели.
Нас так долго на ней крутили,
Что в ночи сейчас оказались.
Нас с утра ещё не кормили,
Духом день весь святым питались.
Помирать пока рановато,
Есть ещё дела у нас дома.
Где вы, други? Куда вы, ребята?
...Разбежались все по знакомым.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Проводы зимы

Сегодня откроем забрало,
прикроем тяжёлое тело.
Как долго зима умирала
и знать ничего не хотела!

Незнание – это привычка,
а знание – это засада.

У пьяных ломаются спички,
а трезвым огня и не надо.

На празднике нового леса,
растущего вровень с подошвой,
обнимемся без интереса,
расстанемся не заполошно.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Прикрою забралом всё тело.
Таковыми забрала бывают.
А тут и весна подоспела —
к угрозам зиме прибегает.

Хоть знай, хоть не знай – всё едино.
Привычка – такая ж засада.
Поможет одним медицина,
другим – только полымя ада.

Когда ты в стране лилипутов,
то лес – как газон травянистый.
У личностей разных статутов
пути по-иному тернисты.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Пятую ночь поют
пьяные пассажиры,
Голосящая дрянь подпалила вагон.
Слышать их не могу! Но знаешь,
ты заслужила,
я буду слушать тебя,
ты – мой русский шансон.

Тёплая хрипотца, молодость и отвага,
спрятанная в рукав
семихвостая плеть.
Елена Ваенга съест и Нагайну, и Нага —
тогда к нам спустится бог,
и мы перестанем петь.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Пересекаю я
целое государство,
Еду из одного конца в конец другой.
Вот если бы это было
моё законное царство,
Было бы мне наплевать,

что я стар и пора на покой.

Ностальгия мучает, выворачивает
наизнанку в юность.

Новые кумиры

Не мои, вагон трясёт, меня покачивает
и выворачивает.

...Кто не понял,
это была сатира.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Сентиментальная прогулка

Остыла в чашке ртуть

Легла косая тень

На мой обратный путь

В непоправимый день

Мне сказано: забудь,

Весёлое надень

Но я туда пойду

Через прохладный сад

Предчувствуя беду

Как 20 лет назад

Как яблоки в саду

Созвездия висят

О звёздный кальвадос!
Желанный алкоголь!
Мне нужен твой наркоз
Чтобы усилить боль
Чтобы в крови мороз
И на глазницах соль
Ночное воровство
Порожня руда
Не признаёт родство
Вчерашняя звезда
Прошедшее мертво
И это не беда
Но был же этот день
А после был закат
Невидимая тень
И ночь и дом и сад
И жёсткий как кремь
Холодный звездопад

ВЛАДИМИР БУЕВ

Рискованная прогулка

Сказали строго: цыц!
Я хвост свой и поджал.
Не ведает границ
Вон тот крутой амбал,

Главарь толпы тупиц,
Бандит и экстремал.
Вот если б я рискнул
Стать спринтером сейчас,
То в сад бы сиганул,
Однако пыл угас,
Как взгляд в меня метнул
Дворовый папуас.
О сад! Каким ты был
Ночами! О луна!
Божественный посыл!
И что теперь? Хана?
В саду стихи творил
При звёздах я без сна.
Всегда меня спасал
Ночами этот сад.
И вот те на – провал!
Что от меня хотят?
Под дых и в глаз. Фингал.
И снова слышу мат.
В глазах моих искрит.
Ну, чистый звездопад!
Давно я не был бит
За свой великий вклад
В поэзию...
...Кульбит.

Вдруг слышу:
– Вот что, брат,
Коль жизнь не тяготит,
Не тронь моих девчат.
И петь им... – тут рычит —
Не надо серенад.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Возвращаешься в блеске славы
Тишина в опустевшем доме
Предсказания были правы
Ничего не осталось кроме
Косо треснувшего стакана
Колченого табурета
Наберу воды из-под крана
Молча выпью за это лето

ВЛАДИМИР БУЕВ

Наконец-то меня признали
Расстилаются предо мною
Все кто раньше меня шпыняли
Лица мазали кислотой
Улыбаясь в глаза слащаво
Хвалит некто по той причине

Что вздымается величаво
Табурет мой под стать дубине

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Всё закончится новым побегом.
Но не сам ли ты мне говорил,
Что зимою теплее под снегом,
А весною – в одной из могил?
Допустимые вольности слога!
Юность знает, где лучше упасть,
Чтоб с грядущего спрашивать строго,
Как с партнера – козырную масть.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Бить опять меня бедного будешь?
Убегать от тебя я устал.
Снова к бегу сегодня понудишь,
Но догонишь, поставишь фингал.
Ты бубновый король или крести.
Я (в мечтах) скоро стану тузом
Или джокером. В тёмном подъезде
В гроб уложим тебя вшестером.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Луна

Отрубили ей голову
А потом говорят:
Стало ясно, что олово —
Повернули назад
Им всё чудится золото,
Всё зовёт серебро
Из кошелки распоротой
Выпадает зеро
Нам достаточно малого:
Оловянной луны
Бледно-желтого, алого
Затопившего сны

ВЛАДИМИР БУЕВ

Приговор в исполнение
Привели, а потом
В головах просветление:
Мол, не с тем мужиком
Мы сегодня расправились.
Виноват, мол, другой.
В ночь на дело отправились,
Лунный свет был плохой
(Цвета жёлтого бледного,

Утаённого тьмой).
...Мужика жалко бедного,
Но просчёт не впервой.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Мне осени этой не жалко
Пускай рассыпается в прах
Клинком никудышной закалки,
Стаканом в дрожащих руках,
Звездой под тяжёлым ботинком.
Кварталом, сожжённым в ночи:
Скорее разбейте пластинку,
Пусть музыка замолчит!

ВЛАДИМИР БУЕВ

Скорее разбейте пластинку:
Всю осень мешала мне спать.
Как только прилягу, разминку
Пластинка стремится начать.
Запил из-за этой пластинки
И горьким пропойцею стал.
Я в звезды кидаю ботинки —
Там чёртик зелёный скакал.
P. S. Я осень теперь ненавижу,

А зиму и лето люблю.
Хоть нынче я чёртиков вижу
Год целый, коль пью и не сплю.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Собирался домой.
Но пришёл приказ —
И развеян пепел над чистым полем.
А теперь, невидимый, среди нас
Он сидит и кажется всем доволен.
Он хорош, как новенький карандаш,
Только слабо помнит
про то, что было.
Вроде шёл пешком на восьмой этаж,
Опираясь на вычурные перила,
Но куда пришёл, как нашёл ключи,
Отчего наши лица ему знакомы —
Не поймёт никак. Мы пока молчим.
Он хотел домой – и теперь он дома.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Я, когда соберусь
Побрести домой,
Жду приказов. Орден дают за это.

Ведь любой начальник – он рулевой.
Пусть командует и рулит поэтом!
Для меня начальник – он словно бог.
Хорошо я помню,
Как думать надо.
Коль иная мысль, чтоб мой мозг отсох!
Жду приказа, иначе я буду гадом!
Вот пришёл, куда приказали мне.
Тут нашёл я свободу свою и волю
Со свободой побыть наедине

Мне начальник позволить соизволил.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Новогодняя иллюминация
Зачем ледовитые розы
Цветут на обложках домов?
Куда неживые стрекозы
Струят разноцветную кровь?
Кому на пустую дорогу
Светящийся сыплют янтарь,
Какому жестокому богу
Раскрашивают алтарь?
Но, может быть, все эти знаки,

Когда их постигнешь закон,
Сойдутся на чёрной бумаге
В прекраснейшее из имён.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Смотрю на дома после пьянки
И вижу обложки томов.
То ль гадит в глаза англичанка
(Из старых и новых врагов),
То ль Новый год был так затянут,
Что скрытно вошёл в Старый год.
Глаза всё никак не устанут
Искриться, как светодиод.
Но вот, наконец, прозреваю
И вижу кругом черноту.
...Вернись Новый год, я страдаю!
Привык видеть мир я цвету!
Зелёные где человечки?
Хоть с ними цвета обрету!

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Романс

В одном из городов,
охваченных огнём,

назначь свиданье мне,
но сон прервётся жестко
внезапным, как патруль,
бесцеремонным днём,
пускающим в твой мир
не дальше перекрёстка.

А за спиною дня
по взорванным мостам
течёт, пылая, ночь
под рухнувшие своды.
Всё гибелью грозит,
но мы бессмертны там,
где воздух полон искр
победы и свободы.

Победа – это дождь
из огненных камней,
горячая роса
полночного эфира,
сияющая смесь...

Давай намажем ей
стареющую плоть
обыденного мира!

ВЛАДИМИР БУЕВ

Приятный сон

Я смелый, я герой!

Зови меня туда,
где рушатся дома
пожары где бушуют.
Я всех врагов побью,
друзей всех без труда,
как человек-паук,
спасу, не заочкую.
Моя бессмертна плоть,
ведь я герой и смел.
Героем Прометей
был, я ничем не хуже.
Но печень я свою
спасу, ведь беспредел
терять её зазря —
мне этот орган нужен!
Пускай же льётся дождь
из огненных камней.
Преграды все герой
Геройски одолеет.
...Но выпустил из лап
меня бог сна Морфей:
осознаю – во сне
от страха плоть потеет.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Вот мы уехали, а облако осталось
растить себя на вертикальном фоне,
изображать то горб, то шестипалость,
являться птеродактилем в короне.
Показывая то, чего не знает,
жемчужное, оно сочтется белым.
Тяжелая перина опадает,
кочки её летят во все пределы.
И быстро тают в изумрудной бездне,
пестрящей кружевными лоскутами.
Во много раз пустыней, бесполезней —
прекрасней мира, созданного нами...

ВЛАДИМИР БУЕВ

Мы, убираясь сами прочь, убраться
Забыли за собой. Повсюду мусор.
Когда грядёт надзор, то постараться
Туристу лучше поиграть роль труса.
Надзоры, сторожащие природу,
всех могут штрафануть, не замечая
ни шестипалых, ни других уродов,
и скидок инвалидам не давая.
А коль красотка-дева попадётся,
А не беззубый птеродактиль старый,
Периной для несчастной обернётся

Поимка. Несогласной – нары.

Ключки по закоулкам и по лужам,

Жемчужины изъяты с изумрудом.

Два мира (что в душе и что снаружи) —

Как два соединённые сосуда.